

попаданец

Виталий Храмов
СЕВЕРНАЯ
БАШНЯ

Annotation

Я прожил насыщенную, но не совсем обычную жизнь. Я не умер, как ожидал, а оказался в другом мире. Мире магии и меча, пережившем апокалипсис. Голод, страх, запустение, средневековье с мечниками и магами. Но кроме них в мире разлита скверна и бродят её порождения — чудовища, мутанты и ожившие мертвецы. Все против всех. И над всем — пророчество об Избранном. А Избранным является кто? Догадайтесь.

Но старый мамонт найдет выход!

Виталий Храмов

Катарсис: Северная Башня

Введение

ПОПАДОС

Молодая поросль хвойных пород приятно ласкала обоняние, уставшее от городского воздуха.

Я лениво ковырял ковёр опавших иголок подобранной палкой. Не за грибами я приехал. Тихая охота — отдых от суеты. От шума города, от людских голосов, от работы и проблем.

Проблем. Как-то незаметно интересный и азартный процесс выстраивания своего дела, бизнеса, как сейчас принято называть, перестал быть интересным и интригующим. Когда это случилось? Где-то на рубеже реинкарнации ВВП опять в президенты. Нет, с ним это никак не связано. По Путину время отмеряется. Ну, как в народе принято — «во времена Брежнева», «при Сталине» и тому подобное. Вот и это — «когда Путин опять стал президентом». Хотя он совсем не при делах. В моих делах.

Просто к этому времени пришло осознание, что бизнес мой достиг своего потолка и расти ему уже некуда. Да и не дадут. Городские просторы освоены полностью, а на областной уровень и дальше мне не выйти. Нет, теоретически можно добиться и дальнейшего роста, но следующая ступень — иные порядки стоимости вхождения и иные порядки сложности выживания. А молодость осталась где-то там. А с ней и бывшие морально-волевые. Вместе с амбициями. Всё, что можно, я себе уже доказал. Узнал себя достаточно. До горького осадка.

Так дело превратилось в работу. В нудную скучную рутину. Плюнул бы да и бросил бы всё, как тогда, после гибели Лёшки. Тогда меня попросили вернуться. Друзья-соратники. Руководство города. Одни, партнёры, доверились мне, пошли за мной, развал бизнеса больно ударил по ним. А тогдашние главы города просто не могли допустить потери источника налогов и рабочих мест. Тогда я вышел из штопора, вывел бизнес на нынешний уровень.

И вот — предел. Предел возможностей и желания. Прежних мужиков, что рулили жизнью города, схоронили. Те ещё мужики были, советской закалки. Пришла молодая поросль. С иными укладами, целями, устремлениями и ценностями. Довольно амбициозными, но примитивными. Власть и деньги. Вот и все их цели, устремления и ценности — власть и деньги. Не как средство, а как самоцель.

Прежние главы города ангелами не были. Но власть для них была для чего-то, деньги — тоже для чего-то. Да и сами деньги для них значили мало. Гораздо ценнее были отношения, взаимозачёт услуг. Ты им на майские предоставляешь людей, материалы и транспорт, они помогают тебе договориться с областью по поводу спорного участка земли, например. Так я привык. Так считал правильным. В бизнес они не лезли. Им нужны были от меня только мои возможности.

А молодая поросль хочет просто и тупо бизнес отжать. Ну, зачем тебе, тридцатилетнему обалдую, сидящему в кресле заместителя от ФСБ, мои мастерские, цеха и бригады? Ты же запрешь всё! Нет, я понял бы, если бы поставили под «допналог». Нет, им надо, чтобы я просто им дело отдал. Полностью. Дурость.

Даже деньги предлагают. Нет, деньги хорошие. Где-то в пределах стоимости бизнеса. И продал бы. Но... Соратники. Они пошли за мной. Многие со мной с кооператорского движения восьмидесятых, прошли через рэкет и малиновые пинджакки. Для них мой уход —

их уход. Держат. «Не погуби дело, Мамонт! Не таких ломали!»

Не таких.

О! Грибы. Слюнявчики. Так их называла жена, когда ещё жили нормально. Тогда вместе по грибы ходили. Как же мы любили друг друга!

Червивые, проклятье! Так и любовь её съели червяки. Как из любящей, восторженной феи она могла превратиться в крикливую, ненавидящую фурию? Как-как? Просто. Червяки съели. И червяков этих в семью принёс я. Сам.

Сердце опять заломило. Уже обыденно и привычно. Так же обыденно и привычно сел на пенёк, достал пластинку таблеток, выломал сразу две, закинул в рот, проглотил. В пластинке остались две таблетки. Блин, плохо! Оглянулся — машина уже далеко. Идти так влом! Обойдётся как-нибудь. Две-то есть.

Любила она меня до умопомрачения. А я? Я делал вид, что она не догадывается, что за «переговоры» проводятся в бане. Это сейчас — офисы. А раньше тёрки разруливались в сауне. А где серьёзный разговор, там водка. А где водка, там девки. Облегчённого поведения.

А жена — умная. Высшее образование, всю жизнь главбух. Видела, знала, молчала. Только любовь из глаз её ушла. А потом и сама она ушла. Тихо и мирно. Собрала вещи, забрала детей и ушла.

Через месяц меня в очередной раз подстрелили. Да так, что в реанимации очнулся. А рядом — она. В слезах. Обещал ей, что — всё! Что наладится. Поверила.

Жизнь потекла размеренно. И с виду нормально. Но не было у неё прежней восторженности. Это тогда она влюбилась в героя-афганца, ветерана с полной грудью наград. А к тому времени кем он стал? Тем самым малиновым пинджаком.

А потом Лёшка со скандалом ушёл из дому. Уехал в Рязань поступать. Жена обвиняла меня. И так и есть! Мальчик вырос на моих рассказах про горы и духов, на байках моих братков, большей частью таких же афганцев. И как я его ни убеждал в его зрелости, что война — это не восторженная романтика, а кровь, грязь, гной и смерть, — бесполезно. Дошло до того, что я взбеленился и ударил сына. Впервые. И он сбежал из дому.

И поступил. Закончил с отличием. Бравый офицер-десантник. Конечно, я был горд им. Но кошка, пробежавшая меж нами, так и не исчезла.

А потом Чечня. И мой сын вызывается добровольцем. И добивается своего — отправляется на эту ненужную войну.

Дома истерика. И у меня тоже. Потому что когда тебе восемнадцать лет, ты считаешь себя бессмертным. А когда разменял сороковник, да ещё и сын — родная кровинушка! Бросил всё, нах! Взял все оборотные средства в «нале», все заначки. Продал новенький «крузак» чуть не даром, чтобы хватило «смазки». Это когда ты не хочешь в армию, тебя с милицией ищут. А вот когда ты хочешь, а здоровье уже не то, сложно. А в определённую ВЧ — вообще начинают жилы и деньги вытягивать. Понимают же: раз ты захотел, то будешь платить столько, сколько смогут выдать.

Так я оказался в разведроте сына. Он командир, я завхоз. Старшинские лычки я ещё в прошлой сверхсрочке «за речкой» получил.

Сердце опять ухнуло. Не уберёг я сына. Не знали мы тогда, что духи командиров различают не по внешнему виду, по звездам и иной форме (от внешних различий комсостав избавлялся сразу же, снайпер не должен издали отличить рядового от лейтёхи или капитана), а по ящику рации сопровождающего связиста.

У меня на руках сын кровью истёк. Сквозная через всю грудную клетку. С огромной

выходной дырой. Своими руками глаза закрыл.

Мсть. Мсть не дала сойти с ума. Мсть.

А через несколько месяцев непрерывных боевых вылазок в горы пришло понимание, что мсть моя не будет утолена. Никогда. Война эта для меня стала глупой и бессмысленной. Боевиков просто физически не вырезать. А чеченцев резать за то, что они чеченцы и оказались дровами в пламени этой бессмысленной бойни?

И пришла пустота в душу. Воевать расхотелось.

Дома — глаза жены. В глазах — выгоревшие слёзы и ненависть.

— Прости, что выжил.

С той поры чужие люди.

Кто это ломится через лес, как секач? Чувство опасности проснулось. Надо же! Появилось впервые в Афгане, когда пропал Олежка. Не раз спасало шкуру. Ну, вот какая опасность может быть тут? Но я привык доверять этому чувству. Маленький китайский ножик, которым я срезал грибы, перекинул в карман, а в руку прыгнул златоустовский нож. Красивый, прочный, острый, надёжный и... безумно дорогой. С лихих девяностых он всегда у меня на поясе. В Чечне напился крови человеческой.

Восприятие мира изменилось. Хм! Боевой режим. Не думал, что тут, в мирном городе, и сейчас, без войны, снова буду чувствовать себя в бою. Смещаюсь вбок.

Кто это, интересно, охотится на меня? Кто этот олень? ФСБ? Да ну на! Их работы я бы даже не заметил. Погасло бы сознание, и всё. И меня бы не нашли. Но не нужно им это. Палево это. Они и так получают всё, что хотят. Дело не в государственной безопасности. Я для государства не представляю опасности. И им, фээсбешникам, молодым да ранним, до безопасности нет дела. Они делают деньги. А деньги любят тишину. Моё исчезновение — громко. Им этого не надо.

Конкуренты? И им не надо. Лихие девяностые давно закончились. Когда закончились лихие головы. С конкурентами у меня всё ровно. Дела сейчас решаются переговорами, бумагами и адвокатами.

Да и лось, что так шумит в лесу, на профи не тянет. Профан какой-то. Ломится напрямки по моим следам, хрустя валежником и с шумом отклоняя ветки.

А вот и он. Вот это тюлень! Камуфляж плотно обтянул пузо и ягодицы женоподобной фигуры тридцатилетнего мальчика, так и не превратившегося в мужчину, не обретшего свойственной мужику стати. В руках понтовая помповая игрушка. Насмотрелся американских тупых боевиков с рекламой американского же оружия!

Присаживаюсь за молодой сосной. Ничего он не заметил. Так и пропёрся мимо, как лось.

— Зачем ты пришёл? — говорю в землю.

Выстрел. Давно я не слышал выстрелов. После гибели Лёшки терпеть не могу стрельбы. Настрелялся. Как с Чечни вернулся, на охоту только с лукошком и ножами.

А он — лось. Жертва. Решил убивать меня. Тупой баран. Убивать меня в лесу? Ветерана двух войн? Он даже направление голоса не определил. Не хотел я его убивать. Голос подал, давая ему шанс сбежать. Не хочу убивать.

— Не хочу тебя убивать. Оставь ствол, свали борзо — жив будешь!

В ответ мат и выстрелы. На меня посыпались иголки. Откатываюсь.

Эх, где мои семнадцать лет?

Захожу к нему с другой стороны. Стоит столбом, тупорылое создание, стволом водит,

нервно крутится. Меня не видит и не чувствует.

Бросаю ветку вправо. Стреляет. Шаг, два, три. Оборачивается, видит меня. Ужас в глазах. Кладу руку на горячий ствол помповика, выворачиваю оружие из его рук, бью ножом. Вонь. Всегда вонь.

— Не убивай, — выдыхает в лицо перегаром и сползает к ногам.

— Поздно. Ты уже мёртв, — отталкиваю его тело. Заваливается на спину, судорожно сжимая рану.

— Я всё скажу. Вызови скорую! — кричит.

Мир перед глазами идёт кругом. Молодые лапы сосен мельтешат, как в калейдоскопе. Я уже сижу на заднице, судорожно лапаю карман, никак не выдавлю таблетки.

— Сотовый тут не берёт. К машине нам не выйти, тюлень. Прими смерть достойно, — хриплю я, судорожно проглатывая таблетки.

Я уже знаю, что спасёт меня только чудо. Допрыгался, Мамонт! Допрыгался.

— Я всё расскажу!

— Что ты мне расскажешь? Что вы с дочкой моей ненаглядной решили мой бизнес себе забрать? Думаешь, не знаю тебя? Не знаю, с кем она живёт? И так бы отдал. Не денег жалко. Людей жалко. Погубите всё. Ничего же вы не умеете. Она — ладно, девка. Но ты, тюлень! Тридцатник прожил, ума не нажил. Сдохни уже, не ной!

Он матерится, угасая. Я знаю, куда бить. Ну, чуть рука дрогнула, когда узнал его, когда понял, что собственная дочь убивает меня.

Смерть его болезненна и неизбежна. Потому что чуть-чуть пошла рука не так. Он должен был погаснуть безболезненно. Всё. Затих. Ногами больше не сучит.

Сижу над ним, опёршись на ружьё, с окровавленным ножом в руке. И чувствую, как моя жизнь уходит из меня, как и из него. Руки сами вытирают кровь с ножа, тащат с его тела рюкзак, перезаряжают ружьё. Зачем? Автоматизм. Руки делают то, что раньше было правильным — содержи оружие в чистоте и заряженным. Так же автоматически тяну его телефон, зажигаю экран, фиксирую время, отсутствие связи, так же автоматически телефон следует в карман.

Мысли мои далеко при всех этих манипуляциях. Чувствую ледяное дыхание смерти. И подвожу итог жизни своей.

Осознанная жизнь моя началась с воспоминаний о детдоме. Друг Олег. Он был всегда рядом, как брат. Всё у нас было на двоих. Общий шкафчик, общая тарелка, взаимозаменяемая одежда, общие враги и друзья. Общие мечты.

Мечты. Мы мечтали стать военными. Красивыми, здоровенными. Мечта привела нас в Афган. И от мечты не осталось даже пепла.

За месяц до приказа Олежка пропал. Пошёл за водой и нарвался на духов. Короткая перестрелка — и всё. Как всегда при таком бое, когда сталкиваются на узкой тропе противники, не ожидающие встретить друг друга.

Уже через пятнадцать минут вся их разведрота была на месте боя. Два трупа моджахедов, стреляные гильзы, кровь. Олежки нет. И никаких следов. Духи оставили своих, но забрали Олега? Как они ушли, не оставив следов? Как Иисус? По воздуху? Почему забрали тело Олега, простого сержанта, но оставили тела своих?

Мечь. Я остался в горах. Сверхсрочно. Мне некуда было возвращаться. В детдом? Олег — всё, что у меня было. Остался в надежде, что найду единственного дорогого мне человека. А командиры только рады. Один я стоил нескольких необстрелянных пацанов.

Сверхсрочная. Я не замечал дней, месяцев. Не вылезал из боевых. Всё надеялся, что найдётся след Олега. Пытал пленных духов.

Это кровавое безумие кончилось госпиталем. Возвращаясь с боевого попуткой-колонной, попали в засаду. Первым же взрывом, первым же зарядом гранатомёта оторвало голову ротному и отбросило меня с брони на скалу. Приложило так, что очнулся только в госпитале. Заново учился ходить. Рьяно рвался в строй.

А потом очнулся ещё раз. Кровавая пелена спала с глаз. Вернулся в роту, а всё — чужое. Ротный другой. С кем воевал, никого нет. Все чужие. Слишком долго я лечился — пока меня заново поставили на ноги, заново учился ходить.

Дослужил своё и — в Союз. Пытаться жить. Одному.

Куда ехать дембелю-сироте? В столицу. Благо в то время устроиться даже в Москве было несложно. Работа на заводе, угол в общежитии. С боевых я привёз импортные шмотки-технику-электронику. Естественно, стал центром кристаллизации соответствующего сообщества. В одиночестве не был. Пьянки, гулянки, танцульки.

Вот на танцульках в университете и встретил её. Влюбился сразу. И она — сразу и без памяти. Пел ей песни ночами напролёт, сам себе подыгрывая на гитаре.

Расписались. Дали нам семейное общежитие. Зажили семейной жизнью. С периодическими моими загулами. Запойми. Родился Лёшка.

Это на полгода держало меня в узде. А потом — «друзья-однополчане»! Оказался я вляпавшись в гнилое дело. Пьяная драка с поножовщиной. Резал не я. Но «друзья-однополчане» дружно вешали всех собак на меня. Повезло — следак оказался человеком чести. Не сел я. Но за сто первый километр выписали.

Так и оказались мы в этом Мухосранске у родственников жены. С работой тогда сложности не было. Оба устроились на завод. Она в бухгалтерию, я в литейку. Потом кузня, термичка. Горячий стаж зарабатывал. Но так и не набрал нужных десяти «горячих» лет. Спасибо Меченому и его перестройке.

Остепенился. Квартиру получили. Дочь родилась.

А потом жизнь пошла кувырком. Перестройка. Кооперация. Рэкет. С параллельным параличом всей прежней жизни. Заводы не встали, но зарплату платить не стали.

Я тогда нырнул в этот омут мутной воды с головой. На всю жизнь. Сначала чтобы прокормить семью, а потом увлёкся. Благо дело шло. Люди меня боялись и уважали. За мной шли. Научился я разбираться в людях, армия научила психологии коллективов. Ну, а выжить помогала та же боевая выучка.

Затянуло, закрутило, опутало тысячей лесок обязательств, дел, долгов, связей. Хозяином хотел стать. А стал бандитом. Бизнесменом. Золотая цепь, бита, кастет. «Мерседес», потом «бэха», потом «крузак». Сейчас — «Нива». Хороший итог.

Война, смерть сына, отчуждение жены и дочери. Запой. Друзья, что вытаскивали из него. Бизнес. Окна-двери-пилорамы. Цеха и заводи. Офисы и склады. Магазины и автомастерские. Коробки, накладные, договоры. И — пустота в душе.

Дочь. Из прелестного ангелочка превратилась в оторванную мегеру. Прожигательницу жизни. «Папань, денег дай!» вместо «здравствуй!».

Сам виноват. Бизнес делал. Сыну в голову вталкивал пьяный бред про героическое «заречьё». От дочки откупался подарками, потом просто деньгами. Внимания семье не уделял. Бизнес делал. Азартно. «Сделать их всех!»

Сделал. Теперь сиди и вой волком! За бездумно потраченные годы.

Опять вспомнился Олег. Слышу его голос. Как предчувствие смерти. Как предупреждение. Накануне смертных испытаний всегда он вспоминается, говорит мне что-то, неразборчиво. Мобилизует. Накануне перестрелок и покушений в девяностые, в Чечне...

— Не в этот раз, Олежек! В этот раз мне не отвертеться. Иду к тебе!

Мир стал стремительно сворачиваться в трубу калейдоскопа, мрак обступал меня.

— Вот так, Олежка! Потерялся я где-то по жизни. Мечтали мы быть героями, а стал я всеми ненавидимым отщепенцем. Изгоем. Убийцей и бандитом. Жена ненавидит, дочь убивает, сын с укором смотрел в последнюю минуту свою. Вот с таким багажом прибежал я к финишу.

Сердце замерло. Гулко бухнуло. В глазах — темнота смертной ночи.

— Да и не пустят меня к тебе. Грехи тяжкие не пустят. Ты-то не успел нагрешить, а я... По самое не могу! Наступил в каждый катях, какой был. И ничего не изменить, ничего не исправить!

Холод залил грудь, побежал по телу. Я почувствовал, как с губ срывается последний вздох морозом.

Часть 1

Облучение

Интересно, это рай? Или ад? Или, как там предбанник меж этих станций называется — чистилище?

Судя по светящемуся ореолу этого дедульки, не ад. Хотя... Но рогов-то нет!

Дед улыбнулся.

Странный дед. Борода, седая копна волос. А зубы — все. Белые и не сточенные. И кожа гладкая, как попа младенца. Он как раз наклонился к самому моему лицу.

А где я? А что он делает? А почему я ни сказать ничего не могу, ни пошевелиться?

Очень странный дед. Зачем-то разглядывает помповик того тюленя, сожителя моей дочери, которому я брюхо вскрыл.

Качает головой. Сожаление на лице. Он мои мысли слышит? Не жалея меня, дед! Наворочал — расплачусь!

Отпускает помповик, а ружьё повисает в воздухе. Мы в невесомости?

А дед меж тем с интересом разглядывает мой нож. Хороший нож, дед! Ездил я на Урал, по делам. Там умельцы живут, что занимаются бесперспективным бизнесом — по старинным технологиям льют булат, куют клинки. В век автоматического оружия и крылатых ракет с ядерными боеголовками. Но люди настолько поглощены своим делом, что завидно стало. Пообщался с ними. Как бальзам на душу пролился. Уважаю людей, увлечённых своим делом. Купил понравившийся клинок, не торгуясь. За названную цену. Так вот их отблагодарил за их «ненормальность». В нашем, сошедшем с ума мире быть настоящим человеком, мужиком, творцом! Да, нож замечательный. Но это просто нож. Просто нож.

А дед — порезался! Вот ничего себе! Вместо крови у него — как расплавленная сталь! Белесо-желтоватая тягучая жидкость пролилась на клинок. Дед задумчиво размазывает светящееся жидкое золото по полосе клинка, так же задумчиво втирает в ствол помповика. От этих манипуляций металл начинает тускло светиться.

Закончив, дед водрузил нож и ружьё на меня, улыбнулся, подмигнул и легонько хлопнул меня светящейся порезанной рукой по лбу. Нестерпимо зажгло, будто и правда расплавленная сталь попала на кожу.

И всё пропало. Опять темнота.

— Спешу, тебя ждут! — прогрохотало в голове.

В голове ещё грохочет. Открываю глаза. Свет слепит и режет глаза электросваркой. Закрываю глаза рукой. Сел.

Сел! Я, гля, живой!

Или нет?

Грохот в ушах стал тише, будто крики какие-то.

Осторожно выглядываю сквозь пальцы. Вроде терпимо.

Лес. Я в лесу. Но вместо молодого хвойника — смешанный лес. Только больной какой-то. Кривые стволы в наростах, перекрученные ветки, чахлые листья.

Крики. Нет, не слышалось. И грохот какой-то. Будто кто-то влез в кухонную посуду и крушит кастрюли и сковородки. Азартно так, с огоньком и звоном. И крики знакомые — драка!

— Санёк, спасай! Мамонт! — слышу я.

Меня как током пробило! Ощутил себя уже на ногах. Трясущимися пальцами щупаю нож, ружьё. Тело и сознание переходят в боевой режим.

Это голос Олега. Он всегда предупреждает меня о смертельной опасности. И это пугает. А когда я боюсь, я злюсь!

— Саня!!!

Бегу! Мимо скрюченных подагрой деревьев, тянущих ко мне грабли голых, серых веток, мимо странных кустов и растений, которые чуйка на опасность ставит в градации угроз в один ряд с миной-растяжкой.

Не к месту всплыла мысль, что бегу аки жеребец застоялый. Будто не умирал только что от разрыва сердца, будто нет разбитого временем позвоночника, нет перебитых осколками ног, нет одышки и изношенных сосудов.

Бой!

Выбегаю к какому-то доисторическому строению. Типа башня. Вон, пара зубцов ещё угадывается. Сложено из огромных обтёсанных замшелых валунов. Так себе башня. Не впечатляет. Широкая, но невысокая. Этажа три с одного бока, пять с другого.

А у её подножия происходит какая-то потасовка. Вернее, уже закончилась. Тела валяются тут и там. В скорлупе доспехов.

Реконструкторы? Мужики, у которых я купил нож булатный, тоже одевались в доспехи и выходили друг друга мутузить по головам разными железками. Типа турнир. С разных уголков страны съезжались, чтобы в бубен стальной дубиной получить. И увезти домой сотрясение мозга, похмелье и помятые доспехи. Потом год их тщательно чинить, чтобы на следующем турнире опять огрести в черепушку. Каждый с ума по-своему сходит. И... лучше так, чем ширяться наркотой или бухать в синюю.

Но к делу это не относится. Привалившись к камню, когда-то выпавшему из башни, сидел человек и кричал голосом Олега:

— Саня! Стреляй, Саня!

А на него надвигался какой-то хмырь. Ко мне спиной, вернее плащом. И одежда на нём вся дымилась серо-черной копотью. И это уёжище нависает над зовущим на помощь. Угрожающе так нависает. Выставив костлявую ладонь на человека с голосом Олега. А от человека в эту костлявую лапу какой-то разноцветный пар течёт.

— Слышь, ты! Тварь! А ну свалил, нах!

Правду говорят, что мы, русские, шизики. Вот если с точки зрения разумного общечеловека подходить, проблемы реконструкторов — проблемы самих реконструкторов. Зачем мне лезть? Бежать надо! А я что сделал? Влез в чужую драку. Рискуя огрести с двух сторон. Но люди просят помощи. Пройти мимо, убежать? И самого себя презирать после этого всю оставшуюся жизнь?

Хмырь разворачивается через правое плечо. В правой руке у него коптящая палка с наверху в виде зелёного химического пламени.

Мать моя женщина! Роди меня обратно!

— Ну и рожа у тебя, Шарапов! — прохрипел я. Горло стянуло, как на морозе.

Обтянутый сухой серой кожей череп с горящими зелёным светом провалами глаз. Маска? Светодиоды? А ужас этот, что обуял меня — низкочастотный генератор? Слышал, такими майданы разгоняют. Аппаратуры не вижу, а результат её работы ощущаю.

От ужаса пошевелиться не могу. Ледяные тиски сковали тело, парализовали руки, ноги, горло, дышать даже не могу. Бессилие.

Злость! Врёшь! Не возьмёшь! Сжигающее пламя ярости разбило оковы страха. С горла — первого. Вдохнул, рычу:

— Ах, ты, твою!.. — нажимаю на спуск.

Помповик бьётся в руках, вспышка выстрела освещает эту мерзость, вызывая новую волну ужаса, неконтролируемого, животного. Но заряд дроби вспыхивает брызгами расплавленного золота около какого-то пузыря вокруг этого хмыря, вызвав перелив серо-чёрного, с отсветом — гнилостно-зелёного — свечения. И тут же пузырь лопаётся, вызвав звон в ушах.

Шаг вперёд. Когда страшно, убей того, кто пугает тебя. И иди прямо на источник страха. Только так выживешь. Только так и выживал!

— Бога!.. — ружьё опять дергается. Чем хорош помповик — быстро перезаряжается. И магазин вместительный. Для охотничьего оружия. Двустволка по-любому геморройнее была бы сейчас.

Дёргается и хмырь. Из его грязного балахона летит пыль. Этот урод направляет на меня свою коптящую палку с зелёным пламенем. Сейчас мне настанет кирдык! Эта палка — что ствол Т-72. Ужас неминуемой смерти от неё.

И всё одно шаг вперёд!

— Душу!.. — заряд дроби отрывает хмырю его костлявую руку по локоть. А вдруг палка эта, как то ружьё в пьесе, выстрелит? Коптящая палка летит в сторону. Класс! Ещё шаг.

— Мать!.. — следующий поток дроби отстреливает уроду его тонкую ногу, хмырь начинает заваливаться вбок.

Ещё шаг. Выстрел в корпус. Только пыль летит. И копоть.

Человек с голосом Олега уже не бьётся в припадке от боли — вырубился. Или умер. А слева тяжело поднимается белокурый мальчик лет четырнадцати — пятнадцати, опираясь на полоску металла, имеющую характерный вид меча.

Ещё шаг. Мат. Выстрел в эту мерзкую харю. Вижу, как с золотистой вспышкой в глубине копоты исчезает полчерепа.

Ещё шаг. Красный, с золотом латуни цилиндр гильзы, слегка дымя, летит по параболе. А патроны — тю-тю! Боёк сухо шелкает.

Мальчишка поднялся, занёс меч над головой и летит на этого урода. Наивный албанец.

Тут полный заряд дроби помповика не прикончил этого уroda, что ты сделаешь своей ковырялкой? А вон и ещё двое реконструкторов бегут. Эти ряжены в крестьян замкадовских, с топорами.

Из обезображенной пасти на меня летит копоть. Ага, шаз!

— За ВДВ!

Размахиваюсь помповиком, как дубиной. Парень опускает меч в мощном ударе. Что-то «...фальконе». Крестьяне с топорами не успевают.

Дорогостоящая, инструктированная по стали, расписанная резьбой по дорогому дереву дубина, бывший помповик «тюленя», походя смахивает копоть, врезается в челюсть уroda. Туда же, но с другой стороны — меч паренька.

Как перезрелый кочан капусты, голова уroda слетает с плеч.

Такая злость меня охватила, что бью ногой со всего набранного разгона в корпус обезглавленного уroda. Тело, как пустое лукошко из ивовых прутьев, улетает.

Мне этого мало. Уже разбитое ружьё (будто не по шее хмыря бил, а по связке арматурных прутьев) со всего размаха опускаю на кочан черепа этого хмыря. С треском череп лопается, разбрасывая копоть и брызги зелёного огня.

Меня сбивает с ног один из крестьян. В злости вскакиваю, хочу и ему вмазать. Но крестьянин на меня не смотрит, а косится на это зелёное пламя, что-то буробит. Второй крестьянин, молодой, и блондин-мечник тащат в сторону тело человека с голосом Олега.

— Что это, чёрт возьми, происходит?!

Крестьянин тянет меня за рукав куртки. По-прежнему буробит что-то на венгерском. Или на хорватском, а может, ещё каком-то. В языках я не силён. Тычет в зелёный огонь. Вижу, как язык пламени, как живой, прыгнул к одному из тел, явно не живому — с лицом, смотрящим себе в спину, жить сложно. А тело задёргалось.

Крестьянин заорал, прыгнул к телу, взмах топора — голова катится в сторону. Конвульсии прекратились. А мужик с топором довольно живо отскочил от метнувшегося к нему зелёного языка пламени.

Демонстративно. Я тоже увернулся пару раз от слишком активного пламени, оттащил в сторону тело реконструктора за ногу. И ещё одно.

Всё. Пламя стало выдыхаться. Гаснуть.

— Твою мать! Реконструкторы туевы! Что вы тут наворочали?

Буробят на своём цыганско-мадьярском. Туристы хреновы. Понаехали! Безобразничают! Что вам в своих Европах не хулиганится? Набедокурили! Этот химический огонь тут лес на десятки лет отравит!

Опасность миновала, мне сразу поплохело. Отвернувшись, тщетно выворачивал пустой желудок. Стыдно. Как новобранец. Ну, мне ещё не приходилось участвовать в реалиях фильма «Обитель зла». И участвовать во вскрытии «Муравейника» Зонтика-«Амбреллы». И Люды Ёвович рядом не наблюдаю.

А дальше вообще туши свет! В прямом смысле. Сомлел, как барышня тургеневская.

Опять лежу в давешнем «нигде». И опять этот светящийся дед.

— Справился, молодец, — слышу я у себя в голове.

Я в оху... в недоумении. Чё за хрень творится?

— Да, вечная спешка. Вроде и бесконечность имеется, а всё одно не успеваешь на вашу прыть реагировать.

И ты думаешь, это что-то прояснило?

— Ты должен понять главное...

Ложки не существует.

Тишина.

— А... Вот вы! Всё у вас... А я думаю, какая ложка? Не отвлекай!

Так, дед, похоже, мысли мои читает. Ну, точно, морда довольная, как у кота, стырившего колбасу. Не ндравится? А неча по чужим бестолковкам шариться!

— Да, с коммуникацией тоже надо что-то делать... Вроде не сильное нарушение... Вот. Встроил в твою, как сам говоришь, бестолковку мемоблок-дешифратор. А то повесят, а ты и знать не будешь, за что. Или голову отрубят. Или четвертуют. Или колесуют...

Хватит! Садист.

— А, ну, да. Отвлёкся. Главное, это не Земля. Понял? Это другой мир.

— Зачем?

— Так надо, — отмахнулся дед, сосредоточенно всматриваясь мне в переносицу.

— И что я должен делать?

— Не могу сказать. Это будет прямым вмешательством. Да как же он был силён, неуспокоенный! Дай-ка уберу! Вот, так лучше. И это тебе тоже без надобности!

Из моего кармана выплыла пластинка с надгрызанным яблоком, исчезла в рукаве деда. Во как, у меня мобилу отжали! А дед — гопник! Улыбается.

— Так что же мне делать?

— Как у вас говорят, следуй зову сердца.

— А-а, иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Стандарт. Для сказки.

— Сказка — ложь...

— Я помню про намёк.

— Всё, пора мне. Да, тело тебе я чуть подправил. Так проще будет. А то отбросишь копыта в самый неподходящий момент и дело завалишь. А мне следующего искать? И так схватил, что попало!

Дед сокрушённо махнул рукой, но голос в голове продолжил рокотать:

— Выглядеть будешь так же, как привык, а физиологически — здоров. Так сказать, бонус за прохождение миссии. Да, эту хлопушку не бросай. Кровь в ней моя. Стодится.

— Как?

Дед покачал головой. Туман немного рассеялся, появилась давешняя поляна, камни. А вот и вытравленное пятно.

— Ай-яй-яй! Надо травушке помочь, — сокрушается дед.

Проходит прямо в центр выжженного, вытравленного пятна.

— Покойся с миром! — провозглашает он.

Сияние, лёгким ореолом окружающее деда, усиливается. Нестерпимый свет залил всё.

И я очнулся. Сел. Никакого деда нет. Как и не было. Народ суетится.

— Что это за хрень такая? — проворчал я, откручивая горлышко фляги. Глотнул. Вода. Просто вода. А был коньяк. Но мне сразу полегчало. Тошнить перестало, голова прояснилась.

Встал. Пересчитаем народ по головам. Больше их вроде стало. Ну, точно! Некоторые из валявшихся поднялись. Не без труда, видно недвусмысленно, как они хромают на обе ноги, держатся за головы и бока, но приводят себя в порядок. Тащат свои острые игрушки.

А где мои игрушки? Ножи на месте. Ружьё! Дед-гопник велел не бросать. Что-то про кровь. А понтов? Патронов больше всё одно нет. А без патронов это просто хлам. Погнутый, расщеплённый. Да, гильзы тоже соберу. Вдруг жадный дед и гильзы принимает?

А вытравленное пятно изменилось. Незаметно, едва уловимо, но изменилось. Уже не дышит опасностью. Совсем. Вот и останки хмыря. Рассыпаются пылью. Остались лишь несколько ювелирных украшений, неплохой меч — примерно метровой длины клинок, и давешняя палка. Уже не коптит, а в наверхии нет пламени. На верхнюю часть палки насажен хрустальный череп.

Моё чутьё на опасность молчало, потому поднял палку, меч, собрал ювелирку. Поднял голову — оху... ох, и удивился! Все встали вокруг меня, свои острые железяки на меня направили.

— Э! Вы чё? Я же и обидеться могу!

Заговорил мальчишка-блондин. А я — не понимаю. Нае... обманул дед-гопник. Не работает его «дешифратор». Дефектный, наверное. Дешифратор. А может, и дед. Значит, будем старинным методом сурдоперевода.

Наконец я понял, что нервнируют их не цацки с брюликами, не меч — у каждого своя железяка. А палка. Протягиваю мальчишке, отшатывается, как от прокажённой.

— Не бойсь, уже не кусается! — говорю я и всаживаю палку в землю. Благо конец палки был окован, как копьё. Хрустальный череп насмешливо смотрит пустыми прозрачными глазницами.

Отхожу. Демонстративно сажусь на землю по-турецки, лезу в карман за НЗ. Сникерс — идеальный НЗ для рыбалки-охоты. Если без выпивки. Если с водкой — то плохая закусь. Кусая батончик шоколадки, сосредоточенно жую, наблюдая, как люди с превеликими осторожностями берут палку с черепушкой через кожаные лоскуты, укладывают на дерюги, заворачивают.

Один из крестьян с топором, что помоложе, привёл лошадку, запряжённую в телегу. Хромающие, битые-недобитые мечники перетасили на телегу так и не очнувшегося мужика в плаще. Того самого, что кричал голосом Олега.

Олега? Встаю, иду к телеге. Народ возбудился. Железки острые опять на меня выставил. Демонстративно медленно положил меч, исковерканный помповик, показал пустые ладони. Слегка расслабились.

Подошёл мальчишка-блондин. Такие волосы не стыдно иметь и девушке. Хотя остальные тоже парикмахерскую не сильно уважают. Многие бородатые. Как ни странно, крестьяне — бритые. У старшего усы, но подбородок голый.

А блондинчик что-то мне втирает.

— Моя твоя не понимай! — поджимаю я плечами. — Я только хотел на этого чувака посмотреть. Не Олег ли это Вещунов?

Парень кивает:

— Алеф... — и опять «дыр-мыр-пыр».

Махнул рукой — неспешно, чтобы народ не нервировать, подошёл. Ну какой это Олег? Совершенно другие черты лица. Лица. Печёное яблоко это, а не лицо. Глубокий, древний старик. Вздыхнул. Жаль. Показалось. Глюкануло меня?

Достал флягу. Вижу, как опять жала мечей и кольев взметнулись. Демонстративно отхлебнул, протянул парню, показал на старика в телеге. Парень понял, понюхал, отпил. Глаза на лоб. Не понял? Там же вода. Парень опрометью кинулся к старику, стал вливать в него воду из фляги.

А я отвлёкся. Видя, что я не собираюсь кидаться на мальчишку и старика, многие горереконструкторы занялись другими делами.

Погоди! Светящийся гопник сказал, что это не Земля. Другой мир. Это не реконструкторы? Тогда это воины. А это — простолюдины. А мальчишка — главарь их? Или старик главарь. А мальчишка — и. о. главнюка.

А тут «воины» и «простолюдины» стали освобождать тела павших от доспехов, одежды и — стали кромсать их на куски. Мне опять поплохело. Блин, прошёл две войны, сам духов пытал, даже один раз своих, но проняло. Так обыденно, как мясники, отделяли они головы от тел.

Я едва сдержал призыв Ихтиандра (шоколадку жалко), подобрал свои вещи, не поднимая глаз, стараясь не слышать звуков, отошёл подальше.

Из зарослей на меня смотрели слегка светящиеся, как у кошки, глаза какого-то зверя.

— Изыди, нечисть! И так хреново!

Послушалось — свалило.

Хреновато мне. Осознание того, что это другой мир, безумная драка, расчленёнка — тяжело.

Слышу шаги, поднимаюсь. Паренёк. Флягу принёс. С лёгким поклоном возвращает. Он как-то неуловимо, но сильно изменился. Какая-то величественность появилась. Вещает мне что-то, явно высокопарное.

— Не пыхти, — обрываю я его. Он разозлился. Ах, вы, видимо, высокое высочество, а нам, пролетариям, вас перебивать не положено? Я мне класть! И положить!

— Меня зовут Александр Мамонтов. Александр, — тыкаю себе в грудь.

Он мужественно пытается выговорить. Вздыхаю. Представляется он. Для меня — тоже набор звуков. Курик? Бюриг? Да так много! Блин! Он говорит медленнее, вдруг что-то в голове как щёлкает. И я начинаю его через раз понимать. Ну, как понимать:

— Обретённый исток... серый сокол... наследник... завоеватель... мир ушедший... покой.

Как это понять?

Опять тыкаю в себя, говорю медленно:

— Александр.

— Андр, — кивает он.

Нехай так! А то договоримся, как в том анекдоте про лесника и выпученные, огромные, блестящие глаза в зарослях.

— Обретённый Исток, — тыкает в себя. Потом ещё раз: — Обересток. Оберест.

— Оберест, — киваю я. Почти как оберег. Или оберст.

Он мне опять рассказывает, понимаю через пень-колоду. Всё же дефектный дешифратор мне дал светящийся гопник. Но хотя бы общий смысл того, что мне втирают, уловить можно. А картина такова. Их отряд (ОПГ, бандформирование — нужное подчеркнуть) шёл по своим,

жуть каким секретным, делам мимо. И увидели башню. Решили полюбоваться особенностями её архитектуры (пограбить, изъять бесхозное), но нарвались на ВОХР и хозяина, который чуть их всех не превратил в подобие самого себя. Привет, «Обитель зла», «Амбрелла» и Элис. Кто такая Элис и где она живёт? Она не курит и не пьёт. Зомби, живые мертвяки и тому подобное. Голова кругом!

И если бы не я, такой прекрасный рыцарь на голубом вертолёте, то конкретное попадалово их бы ждало.

Странно, что когда я ему что-то говорю, горло болит. И звуки странные слышатся, мною произносимые. Может, дефектный дешифратор и мою речь сразу переводит на их мову?

На мой вопрос, за каким, собственно, неосмотрительностью они так поступили, мне был ответ, что у них было два мага. Мага! У них были маги! В этом мире не только зомби, но и магия! Голова опять кругом.

Но возникает резонный вопрос: а где, собственно, маги? Где ваш Кашпировский? Битва экстрасенсов, гля! А маги — тью-тью! Тот старикашка, что без сознания. И вон та кучка фарша. Они не рассчитывали, что встретят такого мощного противника.

Тут же возник второй вопрос, но озвучивать я его не стал. Если их маги облажались, как я завалил эту тварь? С испуга? Ибо был я настолько крут, ну, вааще!

С удивлением смотрю на погнутый ствол помповика, щупаю разбитую механику. Кровь, говоришь, твоя? Нью-ню! Выкинуть, говоришь? Не, такая корова нужна самому! А ну как на меня толпа зомбаков пойдёт? Под тревожную музыку. Буду отмахиваться, как дубиной. Этакая убер-палка-нагибалка. Вундервафля.

Смотрит на меня. Ждёт моего рассказа. И что тебе рассказать? Как соседу по купе — душу выложить? Облегчиться? Вывалить поток сознания?

— Проездом я. Мимо шёл. Слышу — стреляют. Вот и заглянул на огонёк.

Как в том кино. «Махмуд, поджигай!» — «Стреляли!»

Благодарит меня. Предлагает продолжить путь вместе. Ибо на шум может отряд быстрого реагирования заглянуть. А Оберест имеет на них индивидуальную непереносимость и аллергию. Ничего не имею против, соглашаюсь. А парень обрадовался. Ещё бы! С ними теперь такой крутяк будет! Великий победитель хмырей.

Мне бы ещё его восторг. Или хоть чуточку уверенности. Патронов-то нет больше. А этой длинной полоской заточенной стали махать ещё уметь надо. Как-то не на это нас в учебке дрючили.

Да, ротный был двинут на руко-ногодрыганье. Ещё и легло на возделанный огород физрука нашего детдома, что вел и секцию рукопашного боя. Но сам же ротный и говорил: «Всё это тэквандо («тэквандо» у ротного — мат) вам понадобится только тогда, когда вы, козлы горные, ган... (множество матерных эпитетов, характеризующих уровень наших умственных способностей, умение ими пользоваться и углубленный анализ причин наследственных заболеваний, к такому положению дел и приведший), прое... (потеряли) свой пулемёт... (перечисляется всё штатное вооружение разведроты, со всеми ассоциативными маркерами и эпитетами) и встретили такого же распи... (рассеянного противника), как и вы. Во всех же других случаях побеждает тот, кто первый стреляет. Кроме тех случаев, когда побеждает тот, кто первый попадает в цель. А поэтому, рота, бегом!» Но этот же ротный нам говорил, что рукопашный бой — самое скрытное оружие, которое всегда с тобой, даже в бане. И как-то не хочется мне выяснять, одолею ли я профессионального самурая голой пяткой.

Поэтому восторга юноши я не разделял. Поэтому согласился. Десять тел в самурайских доспехах и с мечами всяко лучше, чем один организм, пусть и в камуфляже и тельняшке (так я за грибами хожу). И на кровь светящегося отжимателя мобилы как-то нет надежды. Я ею стрелять буду? Есть ли в этом мире порох? Судя по истории Земли, как появился порох — доспехи пропали. А тут вполне себе имеются доспехи. Причём полные наборы. И с уклоном в самурайский стиль: хорошо выделанная, любовно разукрашенная кожа, кольчужные куски. Не как у рыцарей средневековой Европы — сплошные стальные панцири. Я видел такое в музее. По телеку. Это мем. Такой доспех стоит как статуя, даже без человека внутри.

Меж тем привели лошадей. Таких же маленьких и мохнатеньких, какая была запряжена в телегу. Ну, чуть побольше. Усмехнулся, представив себя верхом на этих мулах. Санчо Панса — ноги по земле.

Коней навьючили грузом доспехов и мешками с головами павших. И пошли. Крестьяне с топорами вели. Оберест всё пытался вести светскую беседу. Агитировал меня присоединиться к их отряду. Я вроде и не против, но... Было какое-то смутное «но». А я привык доверять своему чутью. Потому и выжил в двух мясорубках войн без правил, выжил в лихие девяностые.

Мне бы с чуваком потолковать, что ветошью прикидывается на телеге. Но он — Си-Си Кэпфел. Уже несколько серий в коме. Без надежды, что очнётся до конца сериала. Потому и мальчишка приуныл.

Долго ли, коротко ли, но светило (не солнце, так вот мне растолковал бракованный переводчик) стало клониться к деревьям. Бойцы стали тревожно коситься по сторонам.

— Тьма — время нечисти, нелюди и нежити, — пояснил Оберест, — не успеем мы выйти засветло из гиблого леса.

Но наши сусанины не унывали. Одобрительно что-то вякали, типа не робей, ребята, у самих штаны уже сырые! Но вывели.

Какие-то развалины. На остатках стен — белые треугольники. Все облегчённо выдохнули. Из пояснений спутников я понял, что этот символ означает, что место было зачищено и твари тут не живут. Нет, зайти — запросто. Но на ПМЖ тварям не уютно. А нам в периметре стен и обороняться легче. Даже в огневом бою, современном мне, не то что в рукопашно-штыковом, с применением подручного инструмента — топоров и удлиненных ножей.

Развели огонь, стали обустриваться. С удовольствием поснедал вместе со всеми. Рядом со мной в этот раз сидел старший из крестьян. Но оказался он ремесленником. А ещё точнее, кузнецом. А молодой — его сын. На мой резонный вопрос, что забыл кузнец в таком опасном месте, а не у горна и наковальни, был ответ — ткнул в «мой» меч. Оказалось, тут сырьевой кризис. Не хватает... всего. Но в гиблом лесу, в таких вот развалинах и с тел бродяг можно снять что-нибудь ценное. Допотопное.

Именно так. Допотопное. Без кавычек.

Чем больше я слушал разговоры попутчиков, тем меньше слов звучало тарабарщиной. Да, перевод был такой, что иной раз приходилось сильно поломать голову, чтобы уловить смысл. Как у наших «надмозгов». Но это уже прогресс. Вспомнил фильм с Бандеросом и викингами. Он там ночь у костра посидел и освоил речь «северных варваров». У него тоже был дешифратор? И, видимо, не дефектный.

Почему я понял, что без кавычек? Потому что дальше последовал рассказ о конце света. Была великая война с демонами. Вот в процессе этой войны и был сбит один из спутников этой планеты.

Невольно поднял голову — вот она, луна, на месте. Но местные её называют Месяц, Время и ещё несколько названий. Речь идёт об одном и том же, но мой дешифратор каждый раз предлагает новый вариант. А сбита была Судьба, Рок, Неизбежность, Смерть, Перерождение. Нет, сбита была Судьба. Одна только. Остальное — варианты перевода.

И видимо, упало это небесное тело на поверхность планеты. И прямо на поле боя, где как раз кипело генеральное сражение. Из искажённых дешифратором красочных описаний я сделал вывод, что это было не хило. Ударная волна, тепловое излучение высвободившейся кинетической энергии, пожары и разрушения. Бр-р-р! Не хотел бы это пережить.

А потом пришла волна с моря и — «до неба». Потушила пожары, но смыла всё к чертям.

А потом — долгие недели грязевых дождей. Всё затопило ещё раз, что не успело до этого.

Оберест сказал, что мир изменился. Многие виды животных и растений вообще перестали существовать. Хм, ещё бы! Ударили, поджарили, потом утопили. Выживи!

Что-что-что? Драконы не смогли летать? Были драконы? Ах, и маги летали. А теперь — не летают.

И когда это было? Двести двадцать семь лет назад? Уф, а я уж испугался. И сколько погибло? Много? Ну, понятно. Понятно, что и цивилизация погибла. Всяк старался выжить по-своему.

А демоны? Оказывается, для них изменения в мире стали нестерпимы. Я хмыкнул. С чего вдруг? Тут так мило было, при апокалипсисе. Демоны ушли. Остались полукровки.

А кроме этого, как будто мало, ещё напасть, цитирую: «Разлилась скверна по миру, поднялись павшие, бродят по землям они не живы, не мёртвы». Явно «Муравейник» корпорации «Амбрелла» вскрыли. Или от удара корпус «Муравейника» лопнул, склянки с вирусом побились. Кроме зомбаков, порождения скверны — всякие мутанты, «изменённые выродки».

— Какая-то страшная сказка у вас, ребята, — покачал я головой. Оберест, кузнец и один из воинов, видно, что старший в этом отряде, типа сержант, переглянулись.

— Андр, — сказал этот сержант, — мы тебе жизнью обязаны, потому не сдадим тебя. Но больше не упоминай, что ты не знаешь про крушение мира.

— Кроме скверны в мире появились и каверны. А через них полезли создания иных миров. И нижних тоже. И хотя каверны потом захлопнулись, этого хватило. Лопины иногда появляются снова. Редко и маленькие. Но одну или группу существ они могут пропустить. Чистильщики отслеживают появление трещин, иглы сшивают разрывы, очищают появившихся в них. Очищают огнём. Понимаешь?

— Круто, — хмыкнул я, — что за чистильщики?

— Клирики, — ткнул парень в белый знак на стене.

— Да, не сладко у вас тут. А почему вы помогаете мне?

— Ты помог нам. Был бы ты скверным или демоном, ты бы помог личу, а не нам. — Оберест задумался. — Да и чувствую я скверну и хаос. Их энергии. И святую воду я тоже чувствую. У тебя вода во фляге. Хаосит, демон или освернённый не сможет испить светлой воды. Сожжёт их.

— Значит, мне нечего бояться, — пожал я плечами.

— Церкви всё едино. Очистят огнём, отпустив душу в Колесо перерождений, — покачал головой «сержант».

— Фанатики? — спросил я.

Мои собеседники скривились. Ладно, больше не буду.

— А почему вы не спрашиваете, откуда я? — спросил я.

— Не вводи в искушение, — отмахнулся «сержант».

— А тебе рассказываем о мире, чтобы ты не выглядел вышедшем из раковины, — сказал кузнец, подкладывая дрова в огонь.

— Так ты идёшь со мной? — спросил Оберест.

— Куда?

Оберест наклонился совсем близко ко мне:

— Вернуть моё кресло.

Наверное, всё же трон. Или престол? Кресло — совсем не уместно.

— Так ты у нас принц на белом коне!

— Что ты шумишь? И почему столько пренебрежения?

— А это всё твоё войско? А деньги у тебя есть? — вздохнул я. Ты про это говорил, старик лученосный? — Извини, парень, но нет. Знаешь, стар я уже. Навоевался вот так, — провел ребром ладони под подбородком.

Отводят глаза. Убивать будут. Надо выкручиваться. Шелест вынимаемых клинков за спиной.

— И что тебе от старика, что даже мечом не умеет владеть?

— Ты убил лича! Ты маг!

— Если бы! Я его убил вот этим и вот этими. Видишь, теперь они пустые. Нечем мне больше стрелять.

— Боевой артефакт, — кивнул кузнец, тщательно ощупав ружьё и гильзы, — остаточная магия. Я видел его действие. Похоже на магию земли, но я её не чую. Запускал много металлических метеоров с огромной силой. Как маги земли запускают летящие камни. Только маленькие и быстро. Глаз не видит. Теперь бесполезен. И неисправен.

— А я о чём? — экспрессивно взмахиваю руками, выхватываю нож, ухожу перекатом в сторону. — Жизнь свою продам дорого, ребятаки!

— Андр! — покачал головой Оберест. — Как ты обманываешь, что я не чую обмана?

— А я не вру!

— Ты сказал, что не владеешь оружием, но хочешь сражаться.

— Я не владею мечом, — ответил я, крутя головой, чтобы держать максимальное количество людей в поле зрения. Смещаюсь к стене. Мне не препятствуют — ждут команды от старших. Прижимаюсь к каменной кладке. Теперь сзади меня не возьмёшь.

— Я хорошо стреляю. Не из лука. Умение владения сталью у нас давно забыто. За ненадобностью.

— Боевые артефакты? — кузнец даже с места не сдвинулся, но в голосе интерес.

— Вроде того. Но без магии.

Они переглянулись.

— Как до апокалипсиса. Конструкт, — говорит «сержант».

— Похоже на то, — кивает кузнец и смотрит на Обереста.

Парень махнул рукой. Воины опустили клинки. Не убрали. Только опустили.

— Тебя надо убить, после того что ты узнал, — говорит Оберест, в свете костра видна работа его мысли и тяжесть принимаемых решений, — но ты нас спас. И кто мы будем после этого? Чем мы будем лучше осквернённых, если убьём того, кто спас наши жизни, разделил с нами кров и пищу? Мы не будем этого делать. Андр, ты поклянёшься на крови, что никому не выдашь мои планы?

— Легко! — отвечаю.

Сам не хочу выдавать твои планы. Какое мне дело до твоего обречённого мятежа, мальчик?

Мне показывают как — протыкаю руку ножом, чёрные в ночи капли падают на землю, повторяю слова клятвы. Неожиданно для меня все дают такую же клятву — на крови, но что не выдадут мою тайну.

Невольно закатил глаза к небу — ох уж мне эти клятвы! И тут выпал в осадок. За привычным полумесяцем ещё одна луна. Вполовину меньше, нежно-розоватого оттенка. Покачнулся так, что кто-то из бойцов подпёр меня, чтобы не упал. Проследив мой взгляд, мне пояснили, что это Любовь-Лада-Гармония. Впал в протрацию. Одно дело слышать, что это другой мир, другое дело — осознать всеми фибрами души.

Лёг на рубленый лапник. Очень устал, очень хотелось спать, но душа трепетала, было волнительно и тревожно. Вроде и конфликт исчерпан, но осадочек остался. Потому спал вполглаза. Не верю я этим клятвам на крови. Как и всем остальным клятвам. Да ещё сдвоенный свет лун! Вот, гля! Попал!

Утро красит нежным светом стены древних развалин. Как ни странно, но ночь прошла спокойно. Бойцы сворачивали лагерь. Спали только двое — последняя, волчья смена была их. Подняли перед самым выходом. Долго я разминался и растягивался. Всё тело затекло, не выспался совсем. Злой, как чёрт.

Пошли. На восток, кстати. На встающее светило.

— Последний раз у тебя спрашиваю, Андр, — подошёл Оберест.

Как он так делает? Вот только что шёл просто подросток в доспехах, миг — генерал, привыкший командовать и повелевать. Прямо веет от него этой властью! Ах, да, он же принц, ёпта! Порода. Чё там? Обретший утерянный завоеватель мира, ушедшего на покой? Бред какой-то. Лучше был бы Чингачук Большой Змей. Или оберст-полковник Серый Червь.

А нет, этот... херр майор Мутный Сокол! У них у всех нашиты серые птицы на одеждах. Наверное, это и есть сокол. Как его — прямо послать и подробно расписать маршрут или завуалированно?

— У меня есть выбор?

Парень смутился. Вот так вот! Специально для этого и придумывал все эти Серый Червь и тому подобное! Чтобы сбить с себя волну твоей властности. Чую, ты привык, что люди должны подчиняться. Или выражать агрессию на подобное властное давление, если враг. А ты нервничающих недругов — сразу под палки! Ты бы приказал поучить меня манерам, да обязан мне. А кому я обязан за наше с тобой спасение? Сияющему пенсионеру, заслуженному гопнику?

— Если не хочешь разделить наш путь, можешь следовать с Клемом.

Прогресс! Дешифратор перестал сбоить? Вся фраза понята влёт! Клем — кузнец. Его сын — Горн. С фантазией у кузнеца не очень. А дочь зовут Печная Труба? Заваленка? А собаку — Уголь? Вот и он, кузнец без креатива, в натуре собственной персоной.

— У меня кузня. Представлю тебя дальним родственником с севера. Легко сойдёшь. У нас все рослые, как огры.

— Огры? И орки есть? А эльфы? — усмехнулся я.

Две луны, принцы, эльфы, орки. Где-то недалеко эти, как их там, хоббиты с кольцом невидимости бегают. И Агроном сын Агропрома трясёт кудлами под взором пылающего шара.

Шиза? Может, нет ничего этого? Лежу я себе спокойненько под молодой сосенкой рядом с убитым мною «тюленем», помираю, а задышающийся после остановки сердца мозг шлёт мне галлюцинации.

Кузнец сплюнул, Оберест закатил глаза, «сержант» просто ржёт, но поясняет:

— Про эльфов не слышали. Орками называют народ зверолодей, что одними из первых вышли из каверны. Одной из самых больших. Огры — великаны. С ними пришли. Много их было. Очень много. Зверолоды очень помогли людям Ярикравы восстановить жизнь после катаклизма.

— И они им отплатили благодарностью, — кивнул Оберест.

— Ну, да. Всех в рабство заковали. Уроды.

Кузнец поморщился. Я удовлетворён. Не по канону, не «Властелин колец», уже радует. Да, скверны там тоже не было. Или была? Я фильм смотрел невнимательно. Пьян был. Да и смотрел-то для общего развития, так сказать. Ну, чтобы в курсе быть. Да и время скоротать. Все только и трещали о властелинах колец, надо же было быть в тренде. Мало понял, ещё меньше запомнил.

— Я продолжу? Поживёшь у меня, освоишься. А там... Видно будет.

Вот от этого предложения меня не воротило.

— Согласен. А ты, или вы, ваше высочество... Забудьте претензии на трон, если жить хотите.

Ой, какие лица мы делать умеем! Ой-ой-ой! Гамлет, гля! Бить или не бить? Пороть тебя надо! Сунулся в башню, разбудил какую-то неведомую тварь, не совсем мёртвую, но уже и не живую, с жидким огнём вместо мозгов, людей погубил. Какой тебе трон? Ты так же и государство погубишь.

Только вот ты кто такой, червь, чтобы нам, высочествам, указывать! Знай своё место! Эмоции парня вполне понятны.

Непонятно, почему мне руки не выкручивают. Вижу, что кузнец и «сержант» весело перемигнулись. Опа! Тихий бунт на корабле? Пороть! И их тоже!

Слава сияющему гопстопщику, не мне пороть. И не мне голову забивать моральным климатом и дисциплиной в данном подразделении. Во, блин! Столько лет прошло, а язык сам шпарит! Казёнщиной.

Близость человека уже явственно ощущается. Лес стал светлее, чище. Больных деревьев и растений — меньше. Исчезла гнетущая энергетика. Вот когда исчезла, то и почувствовал. И не один я. Мне пояснили, что это и есть скверна. У меня тут же возникли новые вопросы, но, видимо, пришла пора расставаться.

Так и не очнувшегося старика переложили на носилки, вывешенные меж двух лохматых лошадок, телегу загрузили металлоломом. Отряд Обереста пошёл на восток. Сам парень, смущаясь, благодарил меня, хотел что-нибудь подарить, но кузнец мотал головой. Меч нельзя — клеймо, украшения тоже — фамильные.

Фотку подари. Что ты как девушка, ей-богу! Пояс подарил. Не ремень, а целую портупею. Хорошую такую, даже на первый взгляд видно. Только сокола надо было убрать. Кузнец обещал сделать. И ножны для меча подобрать. А пока завернул в мешковину и спрятал под битые доспехи. Хороший подгон!

Надо отдариться. Ощупал карманы. Достал зажигалку. Типа «Зиппо». Крышку отщёлкнул, колёсико крутанул — горит.

— Пока бензин не кончится, понимаешь? — спрашиваю. — Это не магия. Там... как объяснить? Бензин там.

Глаза мальчишки горят. У кузнеца тоже горят. А у его сына Горна — полыхают. Выдохнул. Скажет, нае... обманул дядя Саша. Как бензин кончится, так и скажет. А, выкидной китайский ширпотреб!

Вот незадача, открывая нож, повредил вчерашнюю ранку. Клялся, будь оно всё клято, вчера! Нож в крови испятнал. А парень смотрит как-то особенно.

— Чё? Опять в обычай ваш встрял?

Кузнец смеётся:

— Так ты случайно? А то ты только что поклялся — кровью и сталью.

— Нет, просто нож испачкал, — буркнул я, зализывая рану. Слюна обладает кровоостанавливающим действием.

Оберест взял мою руку, достал с пояса на пояснице флакон, капнул на ранку — стянуло, как санитарным клеем. Видя, с каким интересом смотрю на флакон, пояснил:

— Мёртвая вода. — Отдал флакон мне. И ещё один: — Живая вода. Мертвая заживляет, живая оживляет.

Отобрал у кузнеца, что играл ножом, щелчком выкидывая и складывая лезвие. Сам стал играть.

— Интересная задумка. Очень тонкая работа, — прокомментировал Клем.

— Только сталь дерьмовая, — вставил я. Вот такой у меня противный характер. Не могу не обгадить радость людям. Это от усталости, невыспанности и общей раздражённости.

— Да? Хорошая, — удивился кузнец, ещё раз смотря на нож через плечо Обереста. Горн — через другое плечо.

— Вот — хорошая! — дал ему свой клинок. Вредный я. Подарок обгадил, а хвалюсь тем, что дарить не буду. Обструкции меня надо подвергнуть. Или абстракции. Ну, не кончал я в институтах!

Глаза всех троих вспыхнули.

— Дымчатая сталь! Секрет утерян при катастрофе! — выдохнул Горн.

Видя их лица, порадовался, что не пожалел тех денег, что отвалил за этот нож. Знал бы, меч купил. Булатный. И кольчугу. Титановую. И доспех. И шлем. И наручи. И на ноги. Сапоги из булата. А лучше — бронекompлект «Ратник». И пулемёт! Ещё лучше — БМП. И карандаш! Губозакаточный. В комплект к Т-72.

Убрал нож на пояс.

Когда возился, опять показалась тельняшка.

— Андр, а что значит эта полосатая рубаха?

— Знак принадлежности к моему роду войск. ВДВ. Как тебе объяснить? Небесная пехота.

— Это как?

— Падаем с неба врагу на голову. И всех рвём. Вдребезги и пополам.

Я прусь, а они кивают с важными лицами. Прикол испортили, блин! Всё приняли за чистую монету. Ах, ну да! Так же и произошло — свалился, как снег на голову, такого страшного хмыря порвал. Как раз вдребезги и пополам. И что, что сам чуть не обделался? Они же этого не знают. Противно. Весь я такой героический. Аж плюнуть хочется самому себе в лицо, чтобы этот героический образ поправить.

— Пора, — говорит Оберест, оборачиваясь. Отряда уже и не видно.

Протягиваю руку. Лицо его радостно вспыхивает, он жмёт руку. На удивлённый взгляд кузнеца юноша поясняет:

— Учитель говорил, что это знак открытых намерений у него на родине. И знак приветствия друзей.

Кузнец кивает, но руки они с сыном не жмут, а низко кланяются юноше. Парень соизволил кивнуть в ответ и побежал догонять своих бойцов. Ага, в доспехе можно и бегать! Хотя в таком — что бы и нет? Посмотрел бы, как он бегаёт с ног до головы закованный в сталь турнирного доспеха! Правой рукой парень придерживает меч, левой — отмахивает. Вижу, что в левой ладони зажаты мои подгоны. Щит с серой птицей прыгает на спине.

— Идём?

— Идём.

— Андр, можно вас так называть? — спросил кузнец.

— Чё-то не понял, что это началось? Чё это за «вас»? Я этого не люблю, — удивился я.

— Княжич признал вас равным, ваш сородич — учитель князя, повелитель магии...

— Ах, вот оно что! Ты это брось! Никакой я не великий. Я обычный. Более того, не очень и хороший. От хорошего жена бы не ушла, а дочь бы не пыталась убить...

Замолчал, вздохнул. Это мои грехи, мой груз на душе. И им совершенно незачем знать. Но восхищение мною, моим героическим образом в их глазах бесит. Потому как неправда. Не герой я.

— Тем более что я твой родич с севера, так? — сказал я. — А как меж собой родичи общаются? То-то же! А если пугаться буду в обычаях — я с очень дальнего севера. Так и скажи. С очень-очень далёкого севера. С самой России. Там у нас росы по утрам ледяные выпадают. Часто — по голове. Потому очень много ушибленных и отмороженных. На всю голову. И всегда — зима. И каждый раз нежданно. И это... зима зелёная ещё ничё, а белая — вообще пипец!

Они сначала морщили лбы, но ржали потом вместе со мной. Похоже, дешифратор перестал сбоить. Горло только болит постоянно. Другой язык, непривычные звуки. Язык более гортанный и рыкающий. Хотя некоторые слова очень мягкие и мелодичные. Да, ладно,

чѐ я? Просто другой язык. Помню, как меня пытались научить какому-то английскому звуку «сѐ». Умора. Язык так вот сверни, представь, что рот полон варѐной картошки... Тьфу на этих общечеловеков! С их англядскими наречиями.

А лес сменился лесопосадками. Деревья ровными рядами. Чё вдруг? Оказалось, древесина, поражённая скверной, не подлежит никакому использованию. Так мне пояснили. Даже топить ею нельзя. С дымом высвобождается скверна, понемногу отравляя людей. Потому гиблые участки вырубаются, сжигаются, очищаются с привлечением клириков — священников. Или магов. Маги более универсальны: и сжечь могут, и тварей побить, и скверну изгнать, — но клирики лучше именно в очистке от всякой дряни. Одна беда — магов и клириков не хватает.

На очищенных участках высаживается лес. И только через десятилетия можно пахать и сеять. Когда почвы восстановятся. Хотя маги земли или маги жизни могут сделать и быстро, но опять же, магов мало. А специалиста найти... Дешевле так — само восстановится. Оказалось, гигантская волна не только всё порушила, но и отравила почвы морской водой, превратив их в солончаки. Потому и нужны десятилетия, пока восстановится плодородный слой.

Не знаю, я не агроном. И ни разу не почвовед. Вообще не шарю в этом. Всё моё знакомство с нелёгким трудом колхозников началось и закончилось, когда нас, лысых и зелёных новобранцев, отправили убирать за колхозников их урожай. Именно так — нам убирать вместо них. А сами местные труженики бухали. Да и мы тоже, чего уж греха таить. Уборочная была, что праздник — дым коромыслом. Все пьяны в просо!

Да и то, моё «сельское хозяйство» было необычным. У колхозников как раз случился массовый падёж скота. Причин не знаю. Но местные к трупам коров категорически отказывались подходить. У каждого в сарае своя скотина. Может, заразу боялись домашней занести? А вот солдатики халявные по определению не брезгливы, работящи, безотказны, и их не жалко. Вот мы и возили туши коровушек, волоком, тросом, трактором, до ямы, сваливали туда, засыпали толстым слоем негашенной извести и хлорки.

Много при таком подходе пойму я в весьма глубоком ремесле земледелия? Ничего. Да и дачи у меня, с сопутствующими ягодами-малинами, яблонями-вишнями, огурцами-помидорами, картохами-морковками, не было никогда.

Отвлёкся. Возвращаюсь в мрачную сказку. Лес этот местный, кстати, рубить нельзя. Приравнивается к хищению государственной собственности. То же — охота в этих землях. Сразу браконьерство.

— А как же вы топите? А кузня твоя? — удивился я.

Каменный уголь тут известен. Стоит, правда, дорого. Кроме того, сухостой, валежник, не «скверные» деревья вполне идут. И на строительство, и в печь.

— А кто решает, что можно рубить, а что нет?

— А вот он и решает, — усмехается Клем, — старший лесник, уважаемый Росток. Приветствую вас!

— И ты здрав будь, Клем! Вижу, гружёным вернулся. Кто с тобой?

Из-за дерева выходит мужичок. Мне по плечо, Клему по нос. Зелёный плащ с капюшоном расшит жёлтыми и коричневыми узорами. Такой вот камуфляж. Глаза цепко впелись в меня, сканируют.

— Родич мой дальний. С севера. Вот, случайно встретил, да шкуру он мне спас. На бродяг свежих нарвались, думал, отбежался Клем по скверне. А тут Андр. Да с артефактом

диковинным. Не смотри так, он наше наречье с трудом понимает. Как говорит — умора просто. Но в драке горазд. Да ты и сам видишь, какая статья. Наша порода.

— А где доспехи его? И одежда почему такая?

— Так Андр больше на свою силу и ловкость рассчитывает. Да и с железом и топливом у них совсем беда! А на такого сколько железа надо? Вот и пришёл у меня кузнечному мастерству подучиться.

— Понятно. Смотрителю доложись, — кивнул лесник.

— Само собой!

— Что необычного видел?

— В Трезубце останавливались — чисто. Следы отряда видел. Вроде разумные.

— Где?

— Недалеко. Там, — кузнец махнул в ту сторону, откуда мы пришли. — След с запада на восток. Про бродяг уже говорил.

— Где ты бродяг повстречал?

— Недалеко от Зелёной башни.

— Ты совсем рехнулся, Клем!

— Проскочу, думал, по-тихому.

— Свежие, говоришь?

— Даже не воняли.

— Сколько?

— Семь. Всех разобрали. Вот, головы везу, на упокоение.

— Клем, хватит скверну в град тащить!

— Так люди же! Упокоить надо. Чистильщик всё по чести сделает.

— Погубили себя смертники — туда им и дорога, не надо в скверные места лезть. Ещё семеро недоумков!

— Росток, пойдём мы. Устали с дороги. Да, порубки не видели. Следов добычи зверя — тоже. Вообще странно — тварей мало. Не то что не видели, даже не слышали. К чему бы это?

— Не слышали? Пойду, тоже посмотрю. С одной стороны, нет тварей, оно и легче. Но твари — они те ещё чуйки от рождения. Как бы от ещё большей беды не ушли.

Кузнец с сыном переглянулись. Горн тронул лошадку.

— Мы смотрителю доложим. Росток, ты бы один не ходил.

— Ага, поучи Ростика по скверне ходить, кузнец!

Распрощались. Шли молча. Я обдумывал полученную информацию, недомолвки и иносказания.

Места пошли настолько обжитые, что нам суждена была ещё одна встреча.

— Выходи, Пятый, Росток уже далеко. И шёл он на север, — сообщил деревьям Горн.

Пыхтя, вышел мальчишка. Младшего школьного возраста. Волок он сухую ветку валежника, в которую были хитро вплетены другие ветки. Получилась волокуша.

— Мать у него совсем занемогла. А старшие дети мать обижают — не знаются. А малец разве прокормит? — пояснил мне Горн, когда я перехватил волокушу у парня и потащил за собой. Как мальчишка собирался это тащить? В волокуше веса как бы не больше, чем в этом доходяге. Мальчишка ничего не сказал. Сказали его глаза. Поблагодарили.

— Тебя так и зовут — Пятый?

Мальчик кивнул.

— Он пятый ребёнок.

Никакой фантазии. Пятый по счёту, так и зовут — Пятый.

— Отца его скверна съела. Клирик очистил его душу. Жаль, недоглядели — малец всё видел. Так и молчит с тех пор. Да священников боится. На тьму его проверяли — нет ничего. И маг говорит, всё с ним в порядке. А не разговаривает. Вроде и не глупый.

— Ты мне поговори! — очнулся Клем от раздумий. — Ишь, разговорился.

Горн отвернулся, шли дальше молча.

Вот и опушка. Потом выкос метров сто шириной. За ним вал земляной. Высотой с железнодорожную насыпь. И стена из вкопанных, заострённых кольев. И ров перед насыпью. Как раз из вынутой земли вал и насыпали. Скорее всего. Мы вышли как раз к проходу — разрыву насыпи и мостику через ров. Наверху, у разрыва, стояла смотровая вышка, в ней человек в шлеме.

— Клем! — окликнул он. — Ты ли?

— Я, Сивый, — весело откликнулся кузнец.

— Как там?

— Тихо. Росток нам повстречался. Туда ушёл.

— Тихо — это хорошо. Ты этого поганца подобрал?

При этих словах Пятый втянул голову в плечи.

— Не бросать же его. Ты нам проход освободишь?

— Открывай, не заперто у меня. Тихо же.

— Доиграешься, Сивый! Смотритель спустит тебе кожу со спины. Один, да не заперт.

— Да пошёл он! А ты как сходил?

— Нормально. Не пустой иду.

Сивый разразился целой тирадой, перевести которую я не смог. Наверно, нецензурщина. Мы как раз прошли через ворота, закрыли их за собой на перекладину запора.

— Как срок роты кончится, тоже пойду в скверну за добычей, — донеслось сверху, с вышки.

— Мы как раз везём головы семерых таких же умников, как ты. В Зелёную башню сунулись. Смертники. Бродягами стали, — крикнул наверх Клем.

В ответ опять непереводаемая череда слов.

С внутренней стороны вал был более пологим, заросший скошенной травой. Ан нет. Вон козы ходят — косят. Нормально. И козы сыты, и территория покошена. Как триммером. Тут же и удобрена. Главное, в мину из свежих удобрений не наступить. Забыл я уже, как это, когда скотина живёт с человеком на одной территории. То-то удивился, что частокол на насыпи из таких тонких, пятнадцать — двадцать сантиметров, жердей. Слабовато для обороны. А чтобы скотина не разбежалась — сойдёт.

Потому что внутри периметра, в центре полей и садов, ещё одна линия укреплений. Так же — ров, вал, стена. Глубину рва не вижу, но вал выше. По верху — деревянные рубленые стены, башни. Ворота в башнях. От ворот внешнего вала до ворот этой крепости — выровненная дорога. С придорожными кюветами — водосточными канавами. Нормально.

Лошадка пошла веселее.

Ворота открыты, но стража всё же окликнула. За воротами встретил боец в кольчуге поверх фуфайки до колен и в шлеме с прозрачной кольчужной сеткой. То ли проволока тонкая, то ли кольца большие, кольчуга такая ажурная. Начкар, оказалось. Ему Клем поведал ту же легенду. Начкар на железки бросил любопытный взгляд, но Клем осадил, одёрнул грубую ткань, укрывавшую груз. А вот отрубленные головы рассматривали всем караулом.

Сошлись на том, что не нашли знакомых. И что это всех радует. Что никто из знакомцев не оказался в этом мешке.

— Смотритель в граде?

— Не-а. Взял десяток, мага и ускакал по южной дороге. Грят, твари там беснуются.

— А храмовник?

— На месте.

— Хорошо. Надо добытое от скверны очистить и останки этих несчастных предать земле, — тронул коня Клем.

— Удачный выход.

— Едва ноги унёс, — обернулся Клем, — надо службу Триединому заказать. Благо теперь надолго железа хватит. Как-то не хочу в скверну. Больше. Или пока.

Меня, кстати, стражники сканировали каким-то прибором. Но это оказался дозиметр скверны. Как счётчик Гейгера. Артефакт такой. Соответственно скверны в нас он не показал. Ни в нас, ни в доспехах, ни в головах. Даже в мече развеянного лича.

— Опять сломался, — вздохнул начкар. — Дал же нам Создатель такого неумеху в клирики! Так и проснёмся однажды со скверной в центре града.

Как он громко сказал — град. Город. Нет, ребята, маленькая деревенька. Скорее даже, маленькая крепость. Маленькая. Деревянная. Каменный — только замок смотрителя. Ну, как замок? Не как в Европе замки стоят, конечно. Башня у этого инженерного сооружения с пятиэтажку высотой, и каменная пристройка к ней. Максимум с трехэтажку. Весь замок.

Улицы, довольно тесные, зажатые заборами и стенами, отсыпаны щебнем. Навоза и мусора нет. Вонь есть, а источника вони нет. Вдоль дороги — сточная канава, кое-где накрытая помостками. Деревянными. Всё же рубка леса тут идёт в промышленных масштабах. И на крепость хватает, и на дома-подворья, и на заборы. И даже сточную канаву накрыть.

Скорость нашего продвижения совсем упала. Каждый встречный раскланивался с кузнецом, заводил беседу. Кузнец каждому отвечал. И хотя сетовал, что устал, но пара слов с каждым — черепаший голоп получается.

А я рассматривал город. Улицы образовывались внешними стенами домов, заборами подворий. Первые этажи без окон. Да и выше окна — как бойницы. Ворота узкие, только чтобы телега прошла, из толстых струганых досок. Заборы как частоколы — с заострёнными кольями вверх. Здания крыты просмоленными, черными досками.

Горожане одеты в том же стиле, что и кузнец. Серо-чёрно-коричневые тона. Простые формы. Никаких кружев, чулок. Сапоги, штаны, войлочные или кожаные длинные куртки, плащи, на головах шапки, кушаки, капюшоны плащей. Украшений минимум. У многих поверх одежды цепи. Но не из драгметаллов — бронза, медь, железо. На цепях металлические таблички. Звания, может?

Женщины — в платьях в пол. На головах платки, сверху ещё какой-либо головной убор. Волосы у всех убраны. Простоволосых вообще нет. Почувствовал себя в русской деревне, примерно таким же макарон одеваются. Выйти за ворота — одеваются как в поход.

Оружие у всех. У женщин поменьше и покороче, но у всех. Ножи, кинжалы, мечи, топоры, палицы. Щиты и копья только у стражи.

Стража или просто воины выделяются наличием щитов на спине, шлемов на головах и длинного древкового оружия в руках. Копья, секиры, алебарды. Да, накидки у стражей стандартизированы. В один цвет выкрашены. Ну, как накидки мушкетёров. Или сигнальные жилеты гаишников, дорожных рабочих. Шлемы у всех. А вот доспехи не у всех. Толстые стёганые куртки, похожие на фуфайки, но до колен — у всех, а кольчуги — редкость. Не говоря уже про латы. Крупных пластин стали вообще не вижу. Только шлемы.

Много вопросов, но молчу. Придёт время или сам догадаюсь.

Нас встречают пузатая женщина и трое детей. Со слезами, соплями и криками бросаются на Клема и Горна. Клем ждёт пятого? Силён мужик! Смотреть на эту семейную сцену немного неловко, потому что я беру лошадку за упряжь (лошадь меня боится почему-то), тащу в открытые ворота.

С любопытством рассматриваю немаленький двор. Провалы входов в хозяйственные постройки. Именно провалы. Без ворот-дверей. По запаху понял, где хлев, где кузня. Кузня стоит особняком. Во дворе колодец. Не хило, крепкое хозяйство!

Начал распрягать лошадку. Получается плохо. Тут же подбегают Горн и ещё один подросток, а меня зовёт Клем. Представляет своему семейству. Его жену зовут Ромашка,

потом дети по старшинству. Горна я знаю, следующие — Молот, девочки Пламя и Росинка. А собаку, кстати, чёрную, зовут Уголёк. Я угадал. Горн и Молот тёмнорусые, Пламя — рыжая, как огонь, Росинка — светлорусая. Подрастёт, потемнеет до братьев. Знаю я такую особенность. Рождаются голубоглазыми блондинами, а в армию приходят кареглазыми и тёмно-русыми.

Как-то принято дарить подарки родне по приезду. В прошлой жизни было так. У меня родных нет, но у жены же были. В моем рюкзаке как раз всякий хлам, что тащил с собой на мокрое дело «тюлень». Жене кузнеца как раз пришёлся обрез белого синтетического материала, что используют в строительстве как упаковку. Меня «тюлень» хотел упаковать. Показал, что материал лёгкий и прочный. Восторг. Девчонкам — по пачке печенья «Чокопай», Горну — пустой поллитровый китайский термос из нержавейки, Молоту — такой же китайский нож, типа швейцарский. Ну, в котором много всяких прибуд раскладывается. Лезвие, штопор, маленькие ножницы, напильничек, шило, крючок и что-то ещё. А цветные пластиковые накладки рукояти? А блеск полированной нержавейки? Парень уже любит меня, как родного дядьку из Киева.

В рюкзаке осталась катушка синтетического каната, туристский топорик в чехле и складная лопатка (зачем он тащил это с собой?), зарядка к мобильнику, пара носков, две пачки сигарет, пустая пачка из-под патронов, пустая литровая бутылка из-под «Колы», шариковая ручка, воткнутая в переплёт блокнота, и пятнистая натовская панамка песочных оттенков. Вот панаму вручил самому Клему. Я в кепке камуфляжной, он будет в панаме. Тут ходят в шляпах — за шляпу сканает. Жалею, что не обшмонал карманы «тюленя». Да, сам рюкзак тоже годится. Неброский, тёмных оттенков — послужит.

Надо ли говорить, как меня полюбили «родственники»? Повисли на мне все сразу, зацеловали всего. Я даже умилился.

Потом женская часть семейства убежала в дом, мужская занялась разгрузкой телеги и срочным сбиванием всех эмблем-птиц с элементов доспеха.

Потом позвали к обеду.

Это был праздничный обед — на столе было мясо. Да-да, такие суровые реалии средневековья. Каша, сдобренная маслом, хлеб, сыр, ягодно-травяной взвар, мясо — копчёный свиной окорок. Как дети смотрят на мясо! А как Клем смотрит на жену, что скромно потупясь, смущается меня. Симпатяжка. Она молода. Ещё не разнесло её возрастное, не обабилась. Тридцати нет. Уже пятый. Это сколько же ей было, когда она Горна родила? Да Клема надо за растление малолеток сажать! В Сибирь! Хотя ему Сибирь может раем показаться после Гиблого леса.

Ах, оказалось, Горн не её сын. Молот — её. Первая жена Клема умерла. Бывает. Это мне рассказал Горн, когда мы вышли во двор. Кузнец так смотрел, так смотрел на жену, что все мигом оказались во дворе. Дети сразу пристали с расспросами, Горн на правах старшего сделал важную мину лица, раздал всем задания, разогнал. Чтобы не мешали ему самому удовлетворять любопытство.

Я объяснил парню, что я ему подарил, и как это использовать. А он предложил раскрыть термос и использовать на производство доспеха.

— Смотри сам. Моё дело — подарить. Доспех ты и из другой стали сделаешь, вон сколько привезли, а вот такого термоса ты не сделаешь никогда.

— Сделаю.

Я покачал головой.

— Утраченная технология. Тут всё герметично. Видишь, как уплотнено? Стенки двойные. Там изолятор. Не ломай. А зачем тебе доспех? Воином хочешь стать? Отец твой доспех не носит.

— Хочу. Воином стать хочу. Но я старший. Кузня мне останется. А вот Молот воином стать готовится. И почему он не родился первым?

Я пожал плечами:

— Не дан нам выбор, где родиться и когда. Я, вот, вообще сирота. Ни отца, ни матери не помню. Шут с ним! Покажи мне кузню.

Закопчённые стены — дымоотвод явно сложен неправильно. Горн, наковальня. Похожа на привычную. Молоты, молотки, клещи, напильник. Напильник! Дернул напильником по ржавой болванке — берёт. А сталь шлема? Берёт! Вот тебе и средневековье!

— Отец добыл в скверне. Ни у кого такого нет, — гордо заявил Горн. Молот, кстати, тут же. Делает вид, что наводит порядок.

Понятно. Осколок былой цивилизации. А вот это интересно! Расколотый глиняный лоток, похожий на вытянутый тигель.

— Поверхностную цементацию делали? — спрашиваю. Горн хмурится, пытаюсь понять. Рассказывает, что делали. Точно. Она самая. Это в сельском хозяйстве я дубина, а в металле шарю слегонца.

Возвращается Клем. Не могу смотреть на его довольную морду.

— Молот, Лохматку кормил?

— Всё сделал. Запрягать?

— Да. Горн, Андр, давайте ещё раз проверим все заготовки. Не должно остаться ни одной птички. Нам вопросы не нужны. Надо их чистильщику свезти. И к знахарке заехать. Пламя, куда дела узелок с травами?

— Уже несу, тата!

— Клем, а этот меч? — спрашиваю я кузнеца.

— Лича? Не знаю такого клейма. Пусть будет, — отмахнулся он.

Но через секунду взял меч, стал вертеть так и этак, рассматривать, чуть на язык не пробовал. Клем упёр меч в стену, надавил. Меч согнулся упруго. Отпустил — выпрямился. Построгал одну из заготовок. Меч исправно снимал стружку. Погладил лезвие, на котором не осталось следа после строгания железки.

— Хороший клинок. Мне такой не сделать. Мало кто сейчас умеет такое. Очистим — пользуйся. Смотритель обзавидуется.

— Отберёт?

— Что с бою взято, свято. Если сам отдашь только. Но ты не отдавай. Как бы ни уговаривал.

Ага, так меч всё же мой! А как же святая обязанность обути «городского»? Облапошить, пользуясь его незнанием местных реалий? Нет, ребята, вы совсем неправильные колхозники.

— А смысл? Всё одно не умею им владеть, — отвечаю, давая шанс им встать в психологические образы. Нет, не вошли в приготовленные для них пазы. Придётся новые образы прописывать. Блин, плохо. С годами отвыкаешь шевелить извилинами, больше на свой опыт полагаешься. Селянин и альтруизм у меня не спариваются.

Немая сцена. Что я опять накосячил? А-а! Они так и не верят, что я такой весь рыцарь на белом скакуне — и не умею мечом махать. А ведь не первый раз говорю. Думали, понты кидаю? Погоди, как же это литературно? Блин, не знаю как.

Клем вздохнул:

— Припрячем. Научишься, тогда открыто носить будешь.

— Научусь?

— Научишься, — Клем на секунду задумался, вздохнул: — Всё одно думал Глака нанимать — мальцов моих бою поучить, вот и ты поучишься.

Клема прервал визг. Горн и Молот столкнулись и, обнявшись, запрыгали. Клем опять вздохнул, с тоской осмотрел кузню, кивнул.

— Дорого? — спросил я.

— Весь добытый металл переделаю, продам, хватит. Наверное.

— Я помогу. Я немного работал с металлом.

— Хорошо. Молотобоец из тебя должен знатный получиться. Потому и предложил... —

Клем осёкся, украдкой огляделся.

Хм, интересно. А если спрошу:

— А кто тебе... он? Почему так просто все эти доспехи тебе отдали? Думаю, это немалая цена.

— Не здесь. И не сейчас, — покачал головой Клем. — Властитель наверняка тобой заинтересуется. А у него есть маг — немного разумник. Меньше знаешь — меньше расскажешь. Ну, давай грузить. Этот клинок на низ клади. Чистильщик старый, не будет разглядывать. А вот у стражи глаз намётан.

Когда повозка была вновь погружена и стояла в воротах, мальчишки пристали к Клему, чтобы взял с собой. Он посмотрел на светило, покачал головой:

— Вам двоим, — строго так, наверное, дедовщина тут меж мальцов, — угля заготовить, просушить, горн вычистить, инструменты просушить, скотину убрать, накормить, баню стопить, воды натаскать. Чтобы завтра мы не отвлекались. Дел много. Чем быстрее всё переделаем, тем быстрее Глак вами, непутёвыми, займётся. Понятно?

— Да, батя, — хором.

— То-то! — возвестил Клем и повёл лошадку. Я пошёл сзади. Лошадь меня боялась, дергалась.

Местная церквушка была деревянной. Золочёная (ничего себе!) луковка на крыше, стрельчатый купол указывал шилом громоотвода в небо.

— У, как сияет! — невольно воскликнул я.

Клем запнулся, лошадь тоже встала. Клем внимательно всмотрелся в мои глаза:

— Ты видишь? — встревоженным шёпотом спросил он.

— Что? — таким же шёпотом в ответ спросил я.

— Сияние.

— Вижу, конечно. Удивился, что церквушка вся такая замызганная, а луковка сияет, как свежей позолотой.

— Неприятные ощущения? Больно глазам? — шепчет ещё тише.

— Нет, — пожал я плечами, — с чего вдруг?

— Так, — Клем покрутил головой, — некуда тут... пойдём к лобному, там у колодца поговорим.

Опять трудности перевода. Лобное — это площадь. В центре площади колодец в тени маленького скверика. Площадь огораживают административные здания — замок, арсенал, суд, церковь, дом собраний, дом смотрителя. Сам смотритель живёт в замке, а дом смотрителя исполняет функции мэрии. Чиновничье племя, крапивное семя там заседает.

Наверное.

Клем налил в поилку воды для лошади, мы сами зачерпнули по берестяной чарке.

— Не больно? — опять спросил Клем.

— Да с чего мне должно быть больно? — я уже начинаю злиться.

— На самом деле церковь не сияет. Сияние, которое ты видишь, могут увидеть только чувствительные к свету люди. Для меня — не сияет. Сияет сила, которую дают Создатель и светлые боги местам поклонения. И людям, служащим им. Силу эту видят только клирики, маги и... скверные. Проклятые, оскверненные, тёмные и их служки. Но тёмным сила эта неприятна. Она их опаляет, как огонь. Ты не чувствуешь боли?

— Нет. Просто удивился, что так начищена маковка — до блеска.

— Уже лучше. Нет в тебе скверны. А дар есть. Ты можешь стать клириком или магом.

— Круто. А оно мне надо?

— Тебе решать, — Клем отвёл глаза.

— И как долго становиться этими экстрасенсами?

Клем поперхнулся. Покачал головой, справился, сказал хрипло:

— Ну, и клириков, и магов учат с детства. И к двадцати годам они что-то начинают уметь. Это лет десять — пятнадцать надо учиться. Для самых простых вещей. Потом — всю жизнь. Клирики учатся вообще пожизненно. Если не осквернятся.

— Уйти нельзя?

— Не слышал такого. Клирик — это навсегда.

Ага, рабство. Пожизненный найм.

— А маги?

— Магам никто не указ. С магами все носятся, как с сокровищами. Если у властителя какой-то земли не будет магов — не будет и земли. Войско без магов обречено. Да и как жить без магов? Вот у нас в граде — огненный маг. В бою хорош. Но молод и неопытен. Надолго не хватает. Для схватки, а не для битвы. И клирик — старик немощный. Потому так медленно прирастает надел нашего наместника. И земли бедны. И народу мало. Был бы маг земли, за рекой бы всё распахали. А был бы маг жизни — ещё лучше: и землю бы возродил, и болезни бы извёл. И потери бы сильно сократились. Огневики почти не умеют лечить.

— Десять — пятнадцать лет? У меня нет столько. Я уже давно полвека разменял, — сказал я. Ага, а ещё я уже умер и хожу тут, как тот лич — не мёртвый.

— Да? Ни за что бы не сказал, — удивился кузнец. — У вас все такие долгожители?

— Ну, не сказал бы. Средняя жизнь мужика — пятьдесят восемь лет. Дееспособность — ну, до шестидесяти пяти. Потом дряхлость. А тому личу, что мы завалили, как этот свет? Ну, сила светлых богов, что от церкви идёт.

— Развеет саму его суть. Смерть это для них. Я видел, как чистильщики упокаивают нежить. Помахал руками, призвал свет — падает обычным мертвяком. А если скелет поднятый — на косточки рассыпается. Лич бы ещё поборолся. Жутко силён был. Теперь я понимаю, как ты его уничтожил.

— Да, мне бы ещё понять, как. Честно тебе скажу, знал бы, что это за тварь — бежал бы впереди своего визга.

Клем расхохотался:

— Ну, слава Создателю! Я думал, ты из этих, из идейных. Смертников. А ты, оказывается, нормальный. Разумный. Теперь многое стало понятнее. Уничтожать скверну не полезешь?

— Упаси, как ты говоришь, Создатель! Набегался я, навоевался. Покоя хочу. Простой жизни.

— А-а-а! — откинулся назад Клем. — Ну, покоя обещать не могу. Это к чистильщику. Он тебе покой даст. И телегу дров — для очищения. А вот простой жизни — сколько угодно. Жизнь простого городского кузнеца подойдёт?

— Подойдёт, простой городской кузнец. А ещё лучше — простого подмастерья простого городского кузнеца.

Клем опять рассмеялся и хлопнул меня по плечу. Я его. Так, что он пошатнулся. Он — в ответ, я пошатнулся. Рассмеялись оба.

— Ну, добро пожаловать, Андр, в город светлого наместника Виламедиала.

— И как же сей светлый город называется?

— Да так и называется — Медные Вилы. Медвил.

Старичок, в когда-то белой сутане, с такой же серой бородой, подслеповато шурясь, читал молитву над кучкой металлолома, брызгая на неё и на нас святой водой — венчиком. С удивлением и лёгким страхом, я видел, как некоторые железки иногда курились дымком, который тут же развеивался. Видя это, старичок усиливал напор своего священнодействия. От него исходил свет, как от того старого гопстопника. Только от гопстопника мощный, слепящий, а от деда — как от подсевшего фонарика.

Когда он закончил, поводит руками над металлоломом, поколдовал над нами, устало сказал:

— Всё, тьмы не чую. С тебя, Клем, ещё один подсвечник.

— Да, святой отец! Только у меня бронзы пока нет. Меди тоже. Но как только будет металл — скую.

Старичок вздохнул:

— Не для себя уже стараюсь. Для следующего ученика света.

Раскланялись, собрали свои вещи, пошли. К знахарке.

— Совсем старый стал чистильщик. Хорошо, следующий будет — молоденький. Плохо, что неопытный. Скорее всего, прямо со школы пришлют. Хорошо хоть, не будет повернут на сжигании людей.

— Откуда знаешь?

— Ну, он же сказал — ученик света, а не чистоты. Эти служители чистоты — совсем помешанные на поиске скверны в людях. Светляки — другие. И лечить умеют. Они скверну норовят изгнать, а не избавить душу от тела и запустить её пламенем на очищение и перерождение.

— Вот как? И почему такая меж ними разница?

— Готовят их в разных школах. Школа света на юге, а школа чистоты — в столице. Чистильщикам больше приходится с людьми работать, а светлякам — с тварями скверны. Но и те, и другие — клирики.

— Совсем я запутался, — признался я.

Кузнец рассмеялся:

— Если будешь так же удачлив, как был эти дни, не придётся распутываться. А вот мы и пришли. Зайдёшь?

— А что бы и нет? Любопытно.

Лошадку привязали к коновязи, зашли в лавку знахарки. Клем был первый. Знахарка кинулась ему на шею, расцеловала. Ого!

— Ой! Кто это с тобой? — отпрянула женщина, смущенно поправляя платок.

— Это Андр, мой родственник с севера. Поживет у меня. Прошу любить и жаловать. Он брат мне. По деду. Андр, это Спасёна. Знахарка. Ведаёт травки, отвары, заговоры. Зелья разные.

— Очень приятно познакомиться с такой красавицей и умницей, — говорю я.

Ох, как мы умеем изобразить смущение! А как мы глазки строим! Клем посмотрел на меня, на неё, фыркнул:

— Спасён, я тебе травок привёз, погляди, есть что годное?

— А? Травки? Откуда? — повернулась девушка к Клему.

— У Зелёной башни собрал.

Спасёна всплеснула руками:

— Погубишь себя! — Тут же глаза её разгорелись: — Покажи!

Клем потряс узелком. Спасёна схватила его за руку и потащила по лестнице наверх, в номера.

— Посмотри пока тут, — крикнул мне Клем.

Через несколько минут, услышав характерные звуки, я ухмыльнулся и прервал осмотр полоч с горшками, склянками и вязанками трав. Вышел на улицу, сел на порог. Многостаночник. Это я про кузнеца.

Когда услышал шаги по лестнице, зашёл обратно в лавку знахарки. Коротко глянул на довольные, раскрасневшиеся лица этой парочки.

— Ну, нашёл что интересное? — спросил Клем.

— Если бы я понимал. Я из всех зелий знаю только живую и мёртвую воду.

При этих моих словах личико знахарки показалось из-за плеча Клема, глаза заинтересованные.

— У вас нет? — спрашиваю.

Вдруг глаза её полыхнули обидой и злостью, ножки застучали по ступенькам, подол мелькнул и скрылся. Клем вздохнул:

— Ну, Андр! Зачем девушку обидел?

— Я не хотел. Простите! — крикнул я.

— Пошли, ладно.

Когда отошли на несколько метров, спросил:

— А на что она обиделась?

— Живую воду могут сделать только маги жизни. А её выгнали с первого же курса Университета.

Понятно. А я, получается, тыкнул её в самое больное. Недоучкой и неумехой назвал.

— Андр, она вообще-то славная. И сладкая. Ласковая. А так как знахарка, болячку не подцепишь. Да и привереда она. Кого попало не подпустит к себе.

— Рекомендуешь? — удивился я. — Не обидишься?

Клем поморщился. Но сказал:

— Не моя она, что мне обижаться? Андр, давай начистоту! Ты мужик видный. Один. Рано или поздно вопрос этот перед тобой встанет. Жену свою я делить ни с кем не хочу. К чужой жене ходить — тоже не советую. Мужья разные бывают. Обидится кто — тебе оно надо? Девка — тебя обженит. Я так понял, что не желаешь ты этого. А Спасёна одна. Под венец тебя тащить не будет. Детей у неё не будет, обделил её Создатель. Понимает, что такая она никому в жены не нужна. А жизнь своё просит. Вот и захожу к ней иногда. Помочь.

— Ромашка знает?

— Нет. Узнает — обижусь.

— Понял тебя. Спасибо.

— Не за что. Пока. Зря Сластёну обидел.

— Сластёну?

— Ну, это только для своих.

— И много «своих»?

— Тебе не всё равно? Не дом нужды — это точно. Она не девка продажная. За неё глотку сразу порвут. Её в городе уважают, и в обиду никто не даст. Мужа и отца нет. Всем

миром и защищаем.

— И всем миром?..

— Осквернел? Многим она нравится, да не многие ей нравятся.

— Понял. Ай да умница эта красавица!

— Это у ней не отнять!

Баня! Как много в этом слове для сердца русского слилось, как много в нём отозвалось!

Первыми, конечно, мылись хозяева — Клем с Ромашкой. Румяная с пару Ромашка — ещё краше. Сам себе стукнул по... рукам. Не зарься на чужое! Похотун! Ну и что, что глазками стреляет? И волосы открыла. Я теперь член семьи. Признали за потомка родного брата прадеда Клема. Можно при мне ходить и простоволосой. И не совсем одетой — в одной сорочке. Нижнего белья тут или нет, или после бани... Да кто после бани себя в корсеты загоняет! Что за дичь? Да и живот уже приличный. Грудь — соответственно. Всё стало рельефным. Природой так предусмотрено.

Как Ромашка вышла, так цыгане шумною толпою... мы с ребятами. Печь-каменка. Побелому. Полати, деревянные кадки. Котёл — бронзовый. Клем — кузнец или как? Он будет — камни раскаленные в воду бросать? То-то! Мочало из лыка. Вместо мыла — жижа какая-то. Пусть будет и. о. жидкого мыла. У нас это как раз веяние моды. Правду говорят — всё в мире циклично. А веников нет. Так сидим — потеем. Как в финской сауне. Про веники спросил — недоумение. Значит, есть идея.

Моих сопарильщиков очень заинтересовала моя цепь с крестом. Кузнецы!

— Да, серебро. Нет, плетение не знаю. Не я делал. Крест — литой. Символ — оберег. Да, освящённый.

Вот пройдоха! Клем, оказывается, тоже чувствует. Устроил мне концерт на площади. Нет, не обижаюсь. Если ты раскрытая книга для всех, то ты уже покойник.

— Батя владеет землёй! — гордый собой сдал отца Молот.

А вот это поворот! И всё меняет. Клем смутился под моим взглядом, стал оправдываться:

— Я же кузнец. Хороший кузнец. Я не маг. Просто одарённый. Металл я чую. С

металлом и работаю. Больше ничего не умею.

— Металл и я чую, — ляпнул я. Блин! Этого хоть малец сдал, а я-то сам себя. Пришлось рассказывать: — Не знаю, то ли это, но когда я на заводе работал...

— Где?

— Завод. Такие огромные мастерские, где делают огромные машины из металла. Я работал в цехе, где металл отливали. А потом несколько лет — в кузне. Но руками там не ковали.

— А как?

— Гидравлическими и пневматическими молотами.

— Это как?

— Сжатый воздух или давление масла поднимает огромный молот, я на педальку нажимаю, молот падает, опять поднимается.

— Ух ты! — удивляется Горн.

— Магия? — спрашивает Молот.

— Наука. Без магии. Вот в литейке меня и научили металл чувствовать. Не всяк умеет. А кто чует металл, очень ценится. Это то?

— Завтра посмотрим, — кивнул Клем.

— А где такой завод?

Видя мимику Клема, отвечаю:

— Где, где — в Караганде.

— Ребята, вы понимаете, что никто не должен об этом знать? — спросил Клем.

— Конечно, отец. Мы кузнецы! Это наши секреты. Нашей гильдии!

— Даже гильдия знать не должна, — вздохнул Клем.

— Секрет семьи? — робко спросил Молот.

— Даже мать знать не должна, — опять вздохнул Клем.

— И правильно! Бабы — все балаболки. Волос длинный, ум — короткий, — важно возвестил Горн.

— Дядя Андр, а почему у вас такие короткие волосы и нет бороды? — спросил Молот.

Ага, ты ещё спроси про волосы под мышками и... хм. Сбрито. Гигиена это.

— Ребята, давайте без этих «дядей»? Просто — Андр. Волосы короткие, потому что подстригал. У нас с длинными волосами мужчинам ходить не принято. Молодым солдатам вообще волосы сбывают. Чтоб вошь не водилась. Но я отращу. Как у всех. И борода отрастёт. Бритву я всё одно не взял.

Провёл ладонью по хрустнувшей щетине подбородка, посмотрел на опасную бритву — бронзовую, кстати, лежащую на подоконнике, и передёрнул плечами:

— Отрастёт.

Спал я на сеновале. С Молотом. Лето же, что нам ютиться в душном доме? Одет я был в Клемову одежду — рубаха, штаны. В объёмах подошла, но коротка оказалась.

Ночью пришёл Горн, протиснулся меж мной и Молотом.

— Наженихался? — сонно спросил Молот.

— Завянь, — буркнул Горн, сразу уснул.

От парня ощутимо тянуло женским телом. Правда женихался. Да что со мной? Лет десять уже гормоны так не буянили. А-а-а, так это сияющий старик виноват! Встречу уб... в ноги поклонюсь. Живым себя почувствовал.

Не вовремя только. Отвернулся от Горна, стравил из кишечника воздух. Злорадно усмехнулся — вонять он тут будет молодыми самками! А кто сказал, что я хороший дядька?

Утро — не красит. Я не подросток. Давно уже. Вон, даже по Горну не видно, что он полночи не спал. Бодры, свежи. А у меня всё болит, всё тело чешется от укулов сена. Злой и разбитый.

Всю ночь поочередно снились бабы голые и лич. Не, я не против баб. Я против лича. Тот ещё красавец. Во сне дробь из помповика не вспыхивала золотыми отсветами в чёрной копоти лича. И не наносила ему никакого вреда. Поэтому он спокойно вытянул старика в плаще, потом шёл на меня. Шёл и шёл. А спуск ружья бессильно щёлкал, а я судорожно передёргивал затвор пустого магазина. Ужас! Вот это — кошмар!

— Ты что такой? А я тебе предлагал лавку в доме, — говорит Клем.

— Лич снился всю ночь. И во сне я его не мог одолеть, — пожалился я.

Клем быстро начертил вокруг себя осторожный знак:

— Совсем чистильщик стал бессилён! — и сплюнул.

А потом работали в кузне. Пока раскалялась заготовка, рассортировали железки. Кольчуги — сразу в угол. Условно годное — к горну, совсем годное — на гвозди в стене, совсем не годное — в кучу.

Клем доставал раскаленные поковки, держал их клещами, указывал молотком, куда бить. Я ухал молотом. Когда устал, бил Горн. Молот был самым молодым, но Клем его тоже пускал к молоту. Учиться. Уставал он, правда, быстро. Потом малец раздувал меха.

И так целый день. Отвык я уже. Оглох сразу. Клем с сыновьями переговаривается — я не слышу. И выдохся быстро. Отвык. Эх, где мои семнадцать лет?

На закате пришёл стражник. О чём он говорил с Клемом, я не слышал. В ушах белый шум. Клем стал смурной. Дела как-то не пошли. Бросили горн, стали ремонтировать кольчуги. Вынимали сломанные, перерубленные кольца. Вязали прорехи. Клем сам вязал. Я лишь размыкал кольца из выделенного фрагмента кольчужной сетки, складывал в лоток. Хорошо, что кольца были не запаяны, а просто замкнуты. Клем брал эти разомкнутые кольца и чинил кольчужную вязь. Проволока была хорошей. Твёрдой, прочной. Стальной. Толстой. На вид и ощупь — до полутора миллиметров. Кольца небольшие, меньше сантиметра. Кольчужная сеть получалась плотной и крепкой.

Клем всё поглядывал на светило и на ворота. Ждал кого-то. Дождался. Молот метнулся к воротам, отпер. Входит группа воинов и молодой парень без доспеха, но в красном щёгольском плаще. Вокруг него как будто всполохи пламени появлялись. Но потом всё пропало, и пламени больше я не видел. Как позже оказалось, я настолько был сосредоточен на размыкании упрямых колец, что невольно подскочила концентрация. Отвлёкся — перестал видеть. Да и парень притушил ауру.

Но главным был не паренёк. Главный был воин в плотной, тяжелой кольчуге со шрамом на посеребрённых висках. На шлеме его орнамент золотом, на шее — серебряная цепь с красным трезубцем на серебряной пластине. Пластина лежала на нагрудном щитке, что был приторочен к кольчуге кольцами, дополнительно защищая грудь. На щитке и пластине гравировка медью — герб Украины, только красным. Медные Вилы. Одежда намного лучше и качественнее, чем у сопровождавших бойцов. На поясе — меч, а справа — короткий меч. Или такой кинжал?

Так как Клем бросил работу и поспешил навстречу, я тоже отложил своё рукоделье,

вышел из кузни, но приближаться не спешил. Прятаться стрёмно, но и к начальству лезть глупо. Хотя и хотелось. Чтобы слышать. Белый шум в ушах ещё не совсем отпустил, слышал я не ахти. Больше угадывал.

Обменялись приветствиями, Клем посетовал, что «благородный светлый наместник Виламедиал» явился столь внезапно (ага, значит, тот стражник был неофициально, стуканул, грубо говоря), потому Клем не подготовился как следует светлого наместника встретить.

— Клем, ты кузнец, а не придворный. Заканчивай придуриваться. Давай, хвались, что добыл?!

И обнял кузнеца. Ого!

— Главная добыча — брат мой по прадеду, Андр. Шёл ко мне с севера, да спас нам с Горном жизнь. Подмастерьем у меня будет. Мастерство перенимать.

— Вижу. Знатный молотобоец. Пойдёшь ко мне в дружину, северянин? О-о, здравствуй Ромашка, цветочек мой! — отвлёкся Виламедиал. — Всё цветёшь? Молодец! Когда? Хорошо. Я к этому времени постараюсь повитуху из волости вызвать. Не стоит! Кузнецов должно быть больше! Особенно таких, как Клем. Я же вижу — мальчишка будет. Как решили назвать? Керн? Ну, наконец-то! А то я уж думал, что Клещами будет или Ухватом.

И сам первый заржал, хлопая Клема по плечу и пригладив круп его жены.

— Не обижает тебя муж? — спросил он, отсмеявшись. — Смотри, Клем, обидишь — в замок к себе цветочек мой заберу. Так и знай. А что жена? Не стена — подвинется.

И опять ржёт. Клем, как ни странно, тоже улыбается. Виламедиал отсмеялся, чуть двинул рукой, что покоилась на мече — смех его дружины резко оборвался. Как они увидели через плащ?

— Ну, северянин, пойдёшь в дружину? — спрашивает меня.

Блин! Я надеялся, забыл своё щекотливое предложение. Взгляд такой, что откажись я — зарубит сразу же. А, понял, такие, как он, привыкшие повелевать, не любят, когда им так прямо в глаза смотрят. Ну, да, в армии же учили, как надо смотреть на офицеров. Вот! Смотрим в переносицу мужику. Взгляд смиренного монаха шаолиньского. Так лучше? Явно лучше. Рубить меня передумал.

— Я, благородный светлый наместник Виламедиал, пришёл постигать понимание премудрости мастера Клема, а не премудрости воинского служения.

— Вот как? А как ворог на град наш нападёт? Защищать стены будешь? — Пальцы Виламедиала выстукивают дробь по шишке противовеса на мече.

— Я учусь у мастера Клема. Он будет — и я буду, — постарался смиренно ответить я.

— Сдаётся мне, что лукавишь ты, северянин, — небрежно махнул на меня наместник. — Ну, Малакир, проверь его.

Чувак в красном плаще подошёл и протянул руку. Смотрю на Клема. Качает головой. Что он собрался проверять? Может, он как дед, мысли читает? Тогда главное — не думать о красной обезьяне. Не думать о красной обезьяне.

— Скверны и тьмы в нём я не чую. Про злой умысел сказать не могу, я не разумник, — вынес вердикт Малакир.

— Вот и плохо! За что я плачу столько денег? Что ни спроси — ничего не умеешь. Только огнём плевать.

— Дядя! Но я же только второй курс закончил! — возмутился парень. Ага, «дядя»!

— Как будто после пятого ты разумником станешь!

— Дядя! — парень аж задохнулся.

Слышу смех с сеновала.

— А ты что смеёшься, бездарь? — кричит в двери сеновала Малакир. — Только и можешь — девкам юбки задирасть!

— Вот как! — усмехнулся в усы Виламедиал. — И тут кузнец наш род обскакал! Горн, иди сюда!

Горн вываливается из сеновала под тихий смех Молота.

Дурдом! Я закатил глаза к небу. Тут такой большой и важный начальник, мочалок командир, а всё скатилось в балаган! Опустив глаза, вижу хитрый прищур наместника, его лукавую улыбку в усах. Следит за мной.

Горн, наконец, отряхнулся, предстал пред светлы очи Мойдодыра. Наместник машет призывно рукой. Пулей вылетает Молот, пристраивается к брату, тянутся оба, как на плацу.

Виламедиал внимательно их осмотрел, мимолётно глянул на меня, повернулся к Клему.

— Сколько не хватает?

— Половины, — вздохнул Клем.

— Выписывай. А что выписывай? Ты всё одно в Красную Гору собрался, обратно и привезёшь. Я недостающее сам оплачу. Таких богатырей вырастил! Чай, не чужие! Северянина возьми с собой, властитель всё одно прознает, замучает меня.

Смотрит на меня прожигающим взглядом. Потом поворачивается всем корпусом к Ромашке, говорит:

— И повитуху привези. Цветочек наш не дам погубить! Да, Ромашка?

Теперь — Клему, серьёзно, без улыбки:

— Расскажешь Светогору про Зеленую башню, про что Росток от тебя слышал. Вот это и передай. Завтра же и езжай! Да, там проволоку хорошую завезли. Вот деньги, возьми. Этому вот, пламенному, кольчугу хоть справить. Щит нормальный поставить не может. Не маг, а разорение одно!

На опять прыскнувших сыновей Клема цыкнул и припечатал:

— А вы, малые, посмеётесь, когда Глак вас воинами посчитает. Малакир ему испытание уже сдал. То-то! Кто-то лучше дерётся, кто-то юбки задирает, да, Клем?

Клем пожимает плечами, жена пытается что-то сказать, жестикулируя, но смотритель слегка качнул ладонью:

— Ромашка, в другой раз, хорошо? Я всегда рад твоему гостеприимству, но муж твой прав — твари неспроста так себя ведут. Южный Сток едва отбил. Поранков много. Как поля убирать?

И, ещё раз осмотрев всех, окинул взглядом двор и резюмировал:

— Так что, семья кузнеца Клема, мне нужны воины, оружие и доспех. У нас много работы! Клем, с тобой пойдёт десяток Крапа. Ямы проверите.

Смотритель и его свита ушли. Что это было?

Клем посмотрел на заходящее светило. Запихал свиток и кошель за пояс, сказал:

— Слышали? Всем спать! А ты, сучье племя, допрыгаешься! Хотан придёт — обженю. Будешь юбку жене заносить за угол, а не у Глака учиться. Гадёныш! И в кого только пошёл?

— В тебя, — взяла за руку разбушевавшегося мужа Ромашка, потянула в дом. — Отстань от него. Я эту сучку знаю. Сама в штаны залезет.

— Она не сучка! — крикнул Горн.

— Женю, сукин сын! — кричит Клем.

— Мама тоже не сука! — Горн готов расплакаться, убегает в кузню, кричит там: —

Мама верна тебе была, не то что эта...!

— Заткнись! — кричит Молот, кидаясь на Горна.

Щаз-з! Ловлю обоих за воротники, раскидываю по углам, кричу:

— А ну, ша! Раскудахтались, петушки! Молчать! Куда со своими детскими, незрелыми умишками во взрослую жизнь полезли, а? Судят они, рот разевают. Молчать, на куй! Своих баб займете, детей народите, тогда судить будете. Ясно? Щенки! Горн, не угомонишься, в бочку с водой суну, враз остынешь. И вообще, марш скотину убирать! Наказан! Сегодня никуда не идёшь. Перетопчется твоя зазноба денёк, будешь знать, как пасть на отца разевать. А ты что скалишься, Молоток? Кузня твоя! Чтоб блестело, как котовы яйца. Баню стопил?

— Когда? — выдал петуха Молот.

— Я стопила, — тонким голосом говорит Пламя, — и воду мы натаскали.

Две головы в двери кузни — русая снизу, медная выше.

— Не стыдно, а, мужики? Девчонки малые воду вам, лосям, носят, а вы на отца хавальник разеваете, перед наместником рисуетесь! Щенки! Подальше от начальства, ближе к кухне. Бойся милости властителя больше его гнева! Бестолковые.

— Да ты кто такой вообще? Явился невесть кто из скверны, распоряжается тут! — визжит Горн.

Меня сносит в сторону ураган, Горн оказался перекинут через неостывшую ещё наковальню, штаны его оказались сдёрнуты, задница — выдрана ремнём. Клем порол сына и приговаривал:

— Знай своё место! Знай своё место! Держи язык за зубами! Держи язык за зубами! Не лезь прежде батьки в пекло! Не лезь прежде батьки в пекло!

Закончив воспитательную беседу, Клем забросил сыромятную полоску, которой порол сына, в угол, сплюнул на пол, вышел. Горн басовито выл у наковальни.

Я тоже вышел. Опрокинул ведро воды на голову, чтобы остудить эмоции, сел на лавку у колодца.

— Дядя Андр... — тонкий голосок.

— Что, малышка? — спрашиваю, не поднимая головы. Вода текла по волосам, по спине.

— А вы правда из скверны?

Бойтся? А почему на колени лезет?

— Нет, лапушка. Я и в церкви сегодня был. Этот милый дедушка чистильщик меня своей водичкой с ног до головы облил, всего обнюхал. Ничего не нашёл. Не бойся.

— Я и не боюсь, — гордо заявил этот русоволосый ангел.

— А сжигатель старый и нюх совсем потерял, — заявила Пламя, потряхнув медной косой. — И мы рады, что он ничего не унюхал. Ты нам понравился.

— Ты такой большой и красивый! И пироги у тебя вкусные, — заявила Росинка. — А на Горна не обижайся. Он не злой. Он как волос меж ног заимел, совсем глупый стал.

Я рассмеялся:

— Всё-то вы знаете!

— Мы уже большие! — гордо возвестило рыжее Пламя. — Я на будущую весну в школу магии поеду. Буду, как Малашка, красный плащ носить!

— Серьёзно? Да ты маг?

— Я буду магом! — гордо возвестила девочка, протянула ладонь, на которой затрепетал язычок пламени, как от зажигалки, но тут же девочка погрузилась: — Поэтому Горн и обижается. Говорит, мать меня нагуляла. Он не злой, маму тоже любит, но по своей сучает.

Он хороший. Но совсем глупый.

Я опять рассмеялся. Разговор с девочками был как бальзам на душу — бестолковый, но приятный. Ничего я не узнал, ничего не понял, а полегчало. Расцеловал этих ангелочков, отпустил. Пошёл собираться в дорогу. Шмотки мои высохли. Утюга я не видел. Не предстану при параде, но и в коротких вещах Клема не поеду. Я не светская львица, конечно, но и не бомж какой! Имею гордость за мундир свой, хоть и оказался в нём случайно. Мог же и в спортивках угодить сюда. Усмехнулся, представив себя в трёхполосочных адиках. Чисто Колян. Что знает тропинки заветных полян.

Клем проводил жену с бани до дома, подошёл.

— В этом поедешь?

— Есть варианты?

— До Медногорска доберёшься в моём, а там на базаре купим. Сшить не успеют, готовое платье подберём.

— С хрена ли? Платья я не ношу, не баба, чай! Да и на какие шиши купим? Ты меня спонсировать собрался?

— Я иной раз тебя совсем не понимаю. Ладно, говор странный, но иной раз вообще ничего не разобрать. Платье — это готовая одежда полностью. Штаны, портки, рубаха, кафтан, куртка, плащ, шапка. На что купим? А ты свои накопители будешь продавать?

— Какие накопители?

Клем сходил куда-то за отхожее место, покопался там, вышел, отряхаясь. Ах, брюлики с ювелиркой!

— А я забыл про них. — Я их оставил в карманах и даже не обратил внимания, что после стирки их не оказалось.

Клем сел рядом на лавку, повесил голову, помолчал. Потом посмотрел на меня, сказал:

— Иной раз ты меня удивляешь. Разумностью своей. Действуешь и говоришь как маг. Или как благородный. А иной раз — ей-ей, блаженный. Ну, как можно забыть про такое? На это весь наш городок купить можно. Вместе со зрителем.

— Так дорого стоит?

— Накопители сейчас не умеют делать. А маг без накопителя — боец на полчаса. Ну, Малек точно. Есть, конечно, сильные маги. С большой внутренней силой. Но чем сильнее маг, тем больше он готов заплатить за эти камни.

— Значит, я богат?

— И ещё как!

— А я вот тебя и Об... того молокососа не понимаю. Носитесь со мной, блаженным, как дурачок с писаной торбой. Что бы — клинком по горлу, голову чистильщику, и ваше всё, а?

— Вот я и говорю, удивляешь ты меня. Ты правда к богатству равнодушен? Или настолько рассеян?

— Ты правда работал на предка Обереста? Или настолько глуп, что служишь теперь сопляку?

Клем зашипел, как рассерженный кот, бросил мешок мне под ноги и ушёл в дом.

Светило ещё не встало, а подворье кузнеца — рассерженный улей. Разбуженный шумом, высунул голову из сеновала, застал картину примирения — Горн положил буйну голову на грудь Ромашки, она его гладит по волосам, что-то говорит с нежностью. Клем и Молот суетятся у запряжённой Лохматки.

Сбегал до удобств, умылся из поильника в конюшне — вода там тоже чистая, у Клема не забалуешь. Пальцами расчесал короткие волосы, выгоняя травинки. Только тогда явил себя народу.

— Меряй, — кивнул Клем на висящую на коновязи кольчугу и надетую на кол большую глубокую каску, больше похожую на миску с кольчужной сеткой. Типа шлем.

Натянул. Молот помогал. Ага, а кольчуга — не сплошная рубаша, имеет кожаную основу, а под мышками до низа — распашная. Продеваешь в ворот голову, подтягивается в размер кожаными ремешками с боков. Такая кожаная куртка, усиленная кольчугой. Нормально, чё!

Шлем тоже не миска. Имеет подшлемник. Так же в размер подгоняется.

Я так понимаю, что это вариант для ополчения. Когда размер не имеет значения.

Клем осмотрел меня, скривил морду, махнул:

— Пойдёт. Всё одно подогнать что-то стоящее не успеем. Каким оружием владеешь?

— Автоматом, — усмехнулся я.

— Не знаю такого. Меч, копьё, топор? Лук?

— Нож, — вздохнул я, — штык.

— Штык? Что это? Как? Покажи!

Молот принёс двухметровое копьё. Я показал. «Штыком коли, прикладом бей!»

— Сойдёт. Ножи свои возьми. Щит. Если на бродяг нарвёмся, отобьёмся. Не одни будем, чай.

Поверх кольчуги надел подаренную португую. На кольца на ней нацепил нож. А, что мелочиться! И туристский топорик тоже. В чехле. И складную лопатку в чехле. На поясицу. А вдруг? Артналёт — окопаюсь. Ха-ха!

Клем махнул рукой на мою придурь. Спросил:

— Что решил по накопителям?

— Думаю, везти с собой всё — неразумно, — бросил ему обратно мешок с ювелиркой. — Отбери столько, сколько нужно. У тебя маг в семье растёт. И вообще, неразумно продавать то, что купить нельзя.

— Нет, ты не совсем блаженный. Просто дурак, — усмехнулся Клем. — Какое тебе дело до моей дочки?

— А какое ей до меня дело? А тебе? Я же брат твой, забыл? Родственник. А вот и наше светило! Иди сюда, дитя!

Пламя, сонная, не убранная, в ночной рубашке, босая, подошла. Я отобрал мешочек у Клема, высыпал его содержимое. Осмотрел. Вот! С рубином. Или не рубином, но тоже красный. Да и просто красивый кулон. Водрузил на шею девочке. Огромными, не верящими глазами смотрит на меня. Сказать ничего не может. Сейчас расплачется.

— Ну-ну, будущий великий маг! Не пристало такой взрослой и красивой девушке сопли пускать! Это твоё. Пусть этот хлыщ в красном плаще удавится.

Ну, вот, улыбнулась. Кинулась ко мне на шею, тщетно стараясь её, шею, сломать.

Потыкалась мягкими губами в щетину.

— Задушишь! — притворно хриплю я. — Папу твоего накажут, что не довёз арестованного до следственного комитета.

— Я покажу маме? — спросила сияющая девочка.

— Твоё же. Маме — покажи. И Росинке. Больше никому не говори. Люди знаешь какие злые? Отобрать захотят.

— Не дам! — пискнула Пламя, зажала кулон в руке и порхнула в дом.

— Описается от радости. В отхожее место же шла, — вздохнул Молот.

— Зачем? — спросил строго Клем у меня.

— Что легко пришло, легко должно уйти, — пожал я плечами. — Иначе беду накликать.

Да и нравится мне делать подарки. Особенно красивым девочкам.

Клем покачал головой:

— Теперь спать с топором надо. С женой — приятнее.

— А ты не говори никому.

— У баб язык что помело, — буркнул Горн.

— Чья бы корова мычала, а ты бы молчал, — ответил я. Горн опустил глаза.

Клем выбрал кольцо с круглым камнем тёплого цвета, засунул за пояс, остальное спрятал в мешок, пошёл ныкать в схрон.

— Клем, — спросил я, когда тот вернулся, — меня в темницу посадят или отпустят?

Он пожал плечами:

— Властитель ко мне неплохо относится. Но время сейчас тяжелое. Соседи наглеют. Легче же прийти и отобрать, чем потеть самому. Власть императора совсем ослабла, распоясались властители и князья. Друг дружку режут, кровь как водичка стала. Нервный Красная Гора. Потому не знаю, чем обернётся.

— А как бы его умолить? Может, ему подарок какой? За прописку на его земле. У нас так принято. Не подмажешь — не поедешь.

— И у нас так же. Но Гора гордый. Благородный. Ещё и осерчает.

— А давай ему меч лича подарим. Сам же сказал, хорошая сталь. Пока я научусь мастерству меча, сколько времени пройдёт. Если вообще дойдёт до обучения.

— Хм, а это мысль! Меч взят с боя, с легендой. Не умалит его чести, наоборот!

Клем кинулся в кузню, притащил чёрный от угля свёрток, бросил в телегу. А я — щит, копье и шлем туда же. Тащить на себе ещё!

— Надо только ножны подобрать, — говорит кузнец.

— Не надо. Легенда должна быть достоверной. И сломанный артефакт тащи. Ружьё моё. Как будем обосновывать победу над тварью?

— Нет. Ты не дурак, я понял. Ты придуриваешься.

— А то! С дурака взятки гладки.

Выехали. И сразу же увидели разгадку причины скверного запаха на улицах без наличия источника запаха — вонючая бочка на колёсиках, два быка в упряжи и трое «узбеков», собирающих мусор с улиц в бочку. Круто! Имеется понятие гигиены.

Оказалось, не совсем так. Когда покинули стены города и внешнего вала, уткнулись в длинную вонючую компостную кучу. Понятно. Удобрения. Не говно это, а ценный стратегический ресурс для выживания. Почвы бесплодные. Вон, кругом голая степь. Травы стоят бедные, блеклые, редкие. Деревца как в тундре — маленькие, перевитые, слабенькие, больные. Ничего само не растёт. Прежде чем полопать, надо хорошенько потопать.

Вот и видимый результат слева от дороги — квадрат леса. Идёт по следу компостной кучи. Ещё дальше — уже вырубка. Сонные лесорубы разбредаются по рабочим местам под охраной воинов. Как конвой. Еду в Магадан! Вот откуда древесина появляется. Ещё дальше — справа от дороги — чисто лагерь римских легионеров: квадрат со стороной в километр, образованный рвом и валом. На углу схода валов стоят три рубленые башни. Четвёртая в процессе. Блестит свежей древесиной. Уже визжат пилы и стучат топоры. Правильно, светило встало — арбайтен, шнеллер, швайне! Ассоциации не верные, но периметр, деревянные вышки, работяги и охрана. Не хватает мотоцикла БМВ с МГ-34 в коляске и эсэсовцев в горшках на головах, с закатанными рукавами и МП-40, и горжета фельджандармерии на шее. В детстве столько фильмов пересмотрено «про немцев»!

У дороги, руки в боки, стоят двое — один явно стражник, ибо в броне, второй мастеровой, одет как Клем. Останавливаемся, приветствия. Видя интерес, Клем представляет меня. Ну, угадал. Один начальник стражи этого БАМа — село Рассветное (на восток от Медвила), он же директор и главный администратор, второй — мастер-строитель. Прораб. У воина медная цепь с вилами, у строителя — знак масонов на железной цепи. Такой вот вольный каменщик. Усмехнулся — и тут они! Прямо масонским заговором завоняло. А, не, это Лохматка. Вносит посильный вклад в плодородие этой дороги.

Клем перетёт с масоном какие-то производственные вопросы — что-то про рукоятки и древки для оружия. Дружески поматерились, торгуясь, подкалывали друг друга. Один сетовал, что Клем ограбил всю Зелёную башню, а всё цены жмет, другой отбрехивался, что масон получил олигархическую должность и пилит государственный пирог госзаказа, а цену ломит — за бесплатные отходы лесопереработки. На том и порешили — что отпускные цены не изменятся.

А стража перетирала своё. Хмурились, шушукались. Вот руку даю на отсечение — не вопросы правопорядка. У нас в Афгане ротный с начштабом полка так же шушукались. Оказалось, в баках задних дверей брони вместо топлива была заправлена брага. Пока везли, взбалтывали, да на жаре по блокпостам развезли отличные антидепрессанты. И такие вот спецоперации иной раз проводила наша бравая разведрота.

Зато позавтракали из котла строителей коммунизма — тьфу, строителей населённого пункта, он же блок-пост Рассветное.

Двинулись дальше. Как мы удачно едем! Прямо вижу живую весь техпроцесс освоения целины. За Рассветным опять возня. Охрана, мужики — быками выкорчёвывают пни. Думаете, сжигают? Сжигают. Но в городе. В домашних печах. Это дрова. Бережно отбивают землю, корни рубят, тащат в кучи. Камни — в другие кучи.

Ещё дальше появляются лесополосы вдоль низеньких каменных стен. Вот куда пошли выбранные из земли камни! Деревья пока молодые. Меж лесополос поля. Маленькие лоскутки. Ну, тут комбайнов нет. Это сухопутным кораблям простор нужен, а тут быки и лошадки. Более манёвренные, но менее производительные.

Кстати, привык, что хлеба у нас растут, как моря. Ветер гонит желтые волны. Тут злаковые — хиленькие, колос жиденький, зерно меленькое. М-да, борьба за существование. Земля бедная. Так ещё и твари разные достают. Мы уже встретили за наш короткий путь под сотню здоровых мужиков с оружием. Они не пашут и не сеют. Они защищают. А их тоже кормить надо. И коней их. И семьи. Понятно, почему свиной окорок — праздничное блюдо. Тут или сам зерно ешь, или скотину кормишь. Или траву для скотины выращиваешь, или зерно для хлеба себе.

Поля сменились полосой лесонасаждений. Теперь по обе стороны дороги. Ух ты, улы! Пасека! Мед! А, ну да, сахарный тростник — это там. А тут сладкое — мед да патока. Да слова льстивые и лживые — в уши. Диабет не страшен. Тут, скорее, рахит. Вон сколько их, с явными признаками рахита. Даже среди стражи.

Опять вырубка, корчёвка. Зачем-то сняли плодородный слой и засыпали всё белым порошком. Известь, мел, гипс? Не знаю. И зачем сыпят этот белый толчёный минерал под слой плодородной почвы, тоже не знаю. Ни хрена себе севооборот! Поле под паром на тридцать лет! Вместо клевера — деревья. А трудозатрат сколько! Умопомрачительное тут сельское хозяйство. А говорили, у нас в СССР Минсельхоз — чёрная дыра. Их бы сюда, говорунов! Птичек-петухов, отличающихся умом и сообразительностью. Быстро бы поняли, что здесь им не тут!

Но восточнее урожайность явно лучше. Прямо волна идёт по полю. Нарастили плодородный слой? Или белые удобрения так сработали? Не знаю. Не почвовед я. И не агроном. И не сын Агропрома. Я — детдомовец. Отец мой Хаос, мать — Война. Как убивать и умирать, я знаю. Как выживать в бою — знаю. Как прокормить себя в таких вот условиях — понятия не имею! Те навыки выживания, которым нас учили, тут слабоприменимы. За пределами этих тщательно возделанных и охраняемых клочков — пустыня. Одному тут не выжить. Надо налаживать коммуникации с аборигенами.

К вечеру открылся с возвышенности ещё городок. На воротах тоже красные вилы на стягах, полощущихся на порывах ветра. Это Ямы. Почему ямы? Потому что земля несколько раз проваливалась в округе. Почему проваливалась, Клем не знает. Село уже старое. С него и начались землевладения бывшего сотника наёмников по прозвищу Медные Вилы.

— Он же не рыжий. Почему Медные Вилы?

— Зато Гора рыжий. Спас ему жизнь Вилы. И на земле помог удержаться. Только всех своих людей потерял. Тогда и стал Медными Вилами. Не Кровавым же Вилом его называть?

— Ну, не всех же. Мы-то с тобой живы, — вставил десятник. Как его там — Крап? А где берет твой краповый?

— Получил Вилли наш надел земли, приставку в имя. Теперь он знать. Ему бы ещё наследственный титул получить, чтобы дети его прямо дворянами рождались, — продолжил рассказ Клем. Так вот причина таких неформальных отношений аристократа и кузнеца! Аристократ-то свежее испечённый. А вчера — простой рубака.

— Ну, не все! — смеётся Крап. — Я знаю по крайней мере одну его дочь, что дворянкой не станет. Никак.

Клем стеганул его плёткой, но не попал. Ловкий этот Крап. Отъехал, ржёт. Весь его десяток — тоже.

— Это он про кого?

— Росинка.

— Да ты чё? А ты? — удивился я. — Вот это поворот!

Клем косо посмотрел на меня, вздохнул, пожевал усы, начал неуверенно:

— Не знаю, как у вас, а у нас тут апокалипсис случился. Людей погибло столько, что ещё тыщу лет будут вылезать бродяги — не перебить. Людей выжило очень мало. Меж поселениями связь... ну, какая связь? Друг о друге и не знали порой. Знаешь такое — вырождение крови?

— Знаю. Понял тебя.

— Это сейчас стало полегче. Вишь, полдня едем — ни одного бродяги. А раньше из-за стены нос не высунуть было. Ничего нет, жрать нечего, одарённые рождаются — научить их некому. Любая свежая кровь — выживание рода. Право первой брачной ночи. Дворянами обычно становятся не самые слабые. Ребёнок от такого — радость в дом. Это сейчас стало как-то неловко от этого всего. Дремучими обычаями стали называть. Вот и Горн не понимает. Ну, прижила мне моя зазноба двух деток. Так и я раскидал семя своё. Понимаешь? Или осуждаешь?

— Не осуждаю. Понимаю. Любишь её, не осерчал на неё — это главное. Твоя жизнь, твоя жена. Свою... Не знаю. Погоди, ты сказал двое. Горн?

— В том-то и дело, Горн и Молот — мои. И народится — мой.

— Пламя? — удивился я. — Чья?

— Увидишь, — усмехнулся Клем. — Да ты, кстати, тоже свежая кровь. Если не найдёшь себе пару, будут сложности. Бабы они такие змеюки, такого тебе наворочают, замучаешься к чистильщику бегать.

— Во как!

— И мужья их тоже. Кому не захочется такую башню в семью?

— Икать колотить! Вот я попал!

— Ещё как! Будь готов, что бабы вокруг тебя начнут хороводы крутить. А ты думал, я для чего тебя к Слостёне водил? Обо всём договорился.

— Так вы разговаривали? — разочаровался я.

— Одно другому не помеха. А с ней бабёе боится связываться. Проклянёт — матка отсохнет.

— И стоять не будет.

— А ты за языком следи. Вот, взял и обидел её. Ладно, платок ей красивый в Медной Горе купишь — отгадет.

— Понял. Слушай, ещё вопрос. Вот сотник Вилли стал дворянином...

— Да, знаменосцем Медной Горы.

— Что это значит?

— Если Гора поднимет знамя, ну, воевать кого соберётся али отбиваться от кого — Медвил выставит войско под знамёна Красной Горы. А Гора — знаменосец Гороха. А Горох — знаменосец Волков.

— А Волки?

— Волки — великие князья. Кровь великого дома.

— Император — Волк?

— Сейчас император — Лебедь. Прошлый был Сокол, — и смотрит так хитро на меня.

— Понял. А до Сокола?

— А до Сокола были Драконы.

— Драконы — это герб? Или реально — драконы?

— Герб. Но говорят, что до апокалипсиса драконы им были кровной роднёй.

— Всё, приплыли... Хорош, голова лопнет. Смешались в кучу кони, люди. Пожрать бы.

— В Ямах трактир неплохой. Плохо, что единственный в округе. Пива выпьем, — Клем мечтательно закатил глаза.

— Дорого, наверное.

— Не дороже денег.

— Слушай, только коротко — дворяне только те, у кого земля?

— Нет. Совсем нет. Есть личное дворянство. Правда, не наследственное. И «ал» не приставляется. Но цепь серебряную носить можно, — характерно посмотрел на меня. Ё! Александр. Ал-экс-андр. И цепь серебряная. Бывший властитель Андр. Так переводит дефектный дешифратор моё же имя моим же языком. Надмозг хренов! Устроил мне игру слов, сука! Так, завязали представляться полным именем!

— За личную достоинность могут произвести, — продолжал кузнец. — От властителя и выше родом имеют право производить в дворянское достоинство. Правда, те, кого произвел властитель, дворянами считаются только при его же дворе. А вот князья производят в дворяне без оговорок. Да, маги, закончившие Университет и защитившие звание мастера на выпускном испытании, получают полное личное дворянство. То же касается мастеров света и чистоты и мастеров-охотников за тьмой.

— Так. Стало хуже. Голова щас лопнет. Но первое — что будет с самозванцем?

Клем усмехнулся:

— Разоблачение и очищение светом. Костёр.

— Не забалуешь. Цепь придётся снять.

— Не обязательно. Поверх одежды не носи — тогда это твоё личное дело. А вот когда

поверх одежды, то ты этим требуешь к себе соответственного обращения. А это должно быть обоснованно.

— Второе — что за охотники?

— Одна из гильдий. Была одной из гильдий наёмников, но потом стала заниматься только тварями, нечистью, нежитью и скверной. За заслуги перед императором в очистке мира от порождений хаоса имеет особое положение.

— Они только всяких тварей изводят?

— Ага. Там такие воины — мрак! Маги через одного. Благо, в дела мирские не влезают. Договоры обычных наёмников не берут. Они вне войн людей с людьми, людей с иными светлыми разумными и вообще — светлыми меж собой. Они только тьму изводят. Но не бесплатно. И услуги их стоят очень дорого.

— Сколько?

— За Зелёную башню они бы запросили тысяч пятнадцать золотом.

— Это много?

— Ну, как тебе сказать. Очень много, но насколько много? Вот смотри. Переночевать в трактире Ям, номер на двоих — медяков двадцать. Самый лучший номер. Наестся до отвала и напитокся пива — ещё столько же. Жалованье стражника в Медвиле — серебряшка в месяц. Это шестьдесят медяшек. Считай, двенадцать — ну, пятнадцать серебряшек в год, если смотритель одарит за усердие. Золотой — шестьдесят серебряшек. Вон, Крап получает золотой в год. Жалование полусотника. За прежнюю доблесть. Глак с меня запросил двести пятьдесят золотых. Но он лучший учитель боя. У него дар — передавать навык. Учит очень хорошо и быстро. Он — редкость. Для меня этих денег не поднять. Бы...

— Ничего себе аппетиты у охотников!

— Так и делают они всё быстро. Вычищают скверну, как метлой. Там такие бойцы! Но тоже гибнут частенько. Да и мало их. Мастеров чуть не поимённо знает весь мир. Их мало, скверны — много.

— Понятно. А без них?

— А без них — долго, нудно, годы, десятилетия, сотни погибших. Ну, ты видел лича. Наконец-то! Пива попьем!

Ямы был несравненно богаче и крупнее Рассветного, размером с Медвил. Но Медвил крепость, а Ямы — укреплённое селение. Замка нет. Вместо замка — деревянный детинец в центре. Да и детинец этот — просто Старые Ямы, старые укрепления более древнего района города, с которого тот и начался. У площади. Напротив детинца, через площадь — каменный (не много, не мало!) храм, другие стороны площади образует управа, и напротив — таверна. Странно, чтобы остановиться на постой, надо пересечь половину города.

— Тут и заночуем. А завтра будем уже в Медной Горе, — сказал Клем, бросая поводья мальчишке, что выскочил навстречу. Кони стражников десятка Крапа уже были рассёдланы и стояли носом в кормушки. А сам Крап со своими людьми вовсю набивали животы. Ага, нам оставили место за столом. И даже уже всё заказали.

— Ну, приступим, помолясь! — потёр я руки и накинулся на еду.

Тушённая с печенью капуста. Или что-то другое, но по вкусу — капуста. Никогда не любил. А тут на ура пошла. Пиво было густым, но невкусным. Но тоже легло хорошо.

И стало — хорошо. Даже официантка преобразилась в довольно милую особу. Тьфу, да от неё же тухлой селёдкой несёт. Блин! А эти кони стоялые ржут, видя, как у меня резко упал... интерес.

Клем тоже ржёт. Намекаю ему, что поспать бы совсем не мешало. Неплохо бы и в номера. Удивляется:

— Зачем платить? У меня тут кума недалеко. Дом большой, вдовствует уже несколько лет. Детей переженила, замуж отдала. Разлетелись. Места — вдоволь. Обидится, что на постоялом дворе остался. Идём. Нет, Крап, знаю я тебя! Полночи гудеть будете! Тут буяньте. А кума у меня — праведная.

Ответом на эти слова дружный ржач.

Идти, правда, недалеко. Открыли быстро. Радостные приветствия и объятия. А кума вполне себе. Да ещё так прижимается! Закудахтала, налетели какие-то люди, двое мужиков — старик и парень. И две девки.

Проводили в баню. Не остыла ещё. Класс! Смыл дорожную пыль и пот. Выхожу — одежды нет. Клем смеётся:

— Завтра чистое будет. Ничего не пропадёт, не переживай. Кума праведная, я же говорил. Примеряй. Вот, подошло. Ничего, что коротко. Переночевать хватит. Не надо стесняться. Некого. Кума дворню отошлёт.

А в доме стол накрыт. Из-за стола да за стол. За столом — кума и девушка, что суежилась, подавала, накрывала, стеснялась. По словам кумы Клема, её дочь. Замуж выскочила, месяц замужней побыла, да пропал муженёк её. Ушёл с товаром купец, да полгода уже и не слышать. Бывает. Мир жесток.

Я ещё плотнее утрамбовал пищу в и без того сытый желудок, затопил всё настойкой. Да так мне похорошело! Кумовья уже не стесняясь, похихикивали, щупают друг друга.

Видя, что клюю носом, хозяйка велела дочери проводить меня. Да не пьяный я! Сытым таким давно не был.

Какой кайф! На перине да на постельном белье! На хрен все эти рубахи-портки. Блин, трусы тут не предусмотрены. Ну и...! Раскинулся.

Шаги. Под одеяло — нырь! Прижалась тёплым боком.

— Эй, ты чего, девонька! У меня же бабы давно не было! Не сдержусь я! — возмущаюсь.

Рука сразу — хватать за нужное место. Прыг она на меня — поздно. Уже не сдержался. Прижалась вся, будто впаяться хочет в меня, шепчет горячо:

— Хорошо! Хорошо! Ещё! Ещё! У тебя не было, а у меня? Этот, старый, своротил да пропал, туда ему и дорога! Хрыч немощный, сморчок плюгавый! А-а-а!

Упала на меня, целует щетину, трётся лицом, уткнулась под мышку, глубоко вдыхает:

— Мужиком пахнет! — говорит восторженно.

Вот тебя проняло, девонька!

— Понесёшь, а муж вернётся?

— Вернётся или нет — то не ведомо, — отвечает. Села обратно на меня, гладит. — А ребёночка знаешь как хочется? А если будет такой же, как ты — великан? Это же радость! Матушка так и сказала: «Иди и понеси от него!» Так что не уйду, пока не выдою тебя досуха!

Впилась поцелуем.

— Ну, тогда приступай, — давлю ей на плечи. Быстро поняла, что требуется. — Вот так. Старайся, девонька. Ночь вся твоя. Ого, молодец! Теперь — я!

Переворачиваю. Как там? Нефритовый стержень в какую-то пещеру? Или в раковину?

— Тише ты! — шепчу. — Весь дом поднимешь на ноги!

— Плевать! Ещё!

Ну, вот! А обещала — всю ночь. Ловлю губами локон спящей любовницы. Вдыхаю её аромат полной грудью. Мне нравится её запах. Значит, генетическая совместимость. Ребёнок должен прижиться. А оно мне надо? Не особо. Ей надо? Её проблемы — как-то не по-мужски. Да о чём я? Может, и не вернусь я с этой долбаной Медной Горы! И вся недолга. Нет человека — нет проблемы.

И так как в сказке. Одни плюшки — заботятся обо мне. Кругом — друзья-товарищи. Носятся со мной, как с принцем крови. Хотя принц-то как раз и скрывается.

Одно плохо. Я уже долго живу. Вторая жизнь пошла. Неплохо так пошла. Но знаю, чем лучше тебе было, тем сильнее будет похмелье. Вот это и тревожит. А-а, пох! Мы, пофигисты, народ пречистый. Нас не заманишь... не помню, чем. Как там говорила одна особа: «Я подумаю об этом завтра!» Надо поспать.

Надо же! Утро красит. Молодое сочное тело под боком в утреннем свете! Ещё как красит. Тёплая, распаренная со сна, мягкая такая. Вскрикнула со сна:

— Какой же ты большой!

А вот ты — такая сладко узкая! Как девочка. Аж зарычал, как зверь.

Завтракаем. Морды у всех, бл..., довольные, заё... заспанные. Глаза сияют. Девонька глаз не сводит с меня. Смотрит на мать, смущается. А хозяйка тоже хороша — так и тра... имеет меня в виду глазами своими, бл..., жадными. Клем посмеивается в усы. Довольный, что тот самый кот, у которого усы в сметане.

Экипируемся в выстиранную, высушенную и, казалось, выглаженную (как?) одежду, в вычищенную броню и обувь.

Провожают до сеней. Девонька обнимает меня страстно, я её — нежно, бережно. Вся она такая — нежная, мягкая. Явно маменькина дочка. И это в средневековье-то? Где у женщин мускулатура крепче, чем у моих современников в пиджаках и штанах! Раздавить её о броник?

Удивила кума. Тоже залезла на шею, всего расцеловала, шепнула, что ждёт в гости, и даже за пах меня цапнула и сжала. Я оху... ох, и удивился. Кошусь на Клема — вот котяра, посмеивается.

Но это только цветочки. Ягодки были в виде одиннадцати страдающих с похмелья бойцов, с их солдатскими подколками. Я их вежливо и недвусмысленно послал. И даже так подробно описал маршрут, что навигатор не нужен. Одна беда:

— Красиво ругаешься, — восхитился Клем, — только ничего не понятно!

Да, велик и могуч русский мат. И язык — тоже. Непереводим. Тоже странно. Почему дешифратор мат не переводит? Идёт прямым текстом.

Мне сегодня пейзажи сельских пасторалей и суровых реалий борьбы за существование — ниже пояса. Ещё ниже. Ещё. Вот. Тут. Падаю спиной в телегу, головой к спине Клема, что сегодня за водилу этого пылесоса, прям на груз, укрытый дерюгой — а бронезилет мне на что? Ноги, с колен, свешиваются, болтаю берцами, как в детстве.

Я уже много прожил и знаю, что вся жизнь наша состоит из сплошного дерьма. И если не уметь насладиться кратким мигом, лишь мигом одним, когда тебе хорошо — вся жизнь так и будет в стиле нуар. Потому я заголосил:

Хорошо гулять по свету
С карамелькой за щекою!

Согласен, песенка детская, но уж какая в голову пришла. Тем более всем — до лампочки. Пою-то я по-русски. Поэзию, песни особенно, попробуй, переведи. Да чтобы и в лад, и смысл сохранить.

Наш ковёр — цветочная поляна,
Наши стены — сосны великаны,
Наша крыша — небо голубое,

Наше счастье — жить такой судьбою!

— Хорошо поешь! — говорит Клем.

— Ну, повезло, есть такое, — отвечаю, — я ещё на гитаре играю. И вышивать могу. Крестиком. И на машинке — тоже.

— У тебя так каждый раз?

— Что?

— После этого.

— Нет. Обычно в сон клонит.

— А сейчас что?

— Жить — хорошо, глубокоуважаемый мастер Клем.

— Это так! — хмыкает кузнец, отворачиваясь.

— А хорошо жить — ещё лучше!

— И не поспоришь! — воскликнул он. — А давай вместе что-нибудь споём?

— А давай! Давай про наших спутников. Попробую перевести. Не знаю, как получится.

Наша служба и опасна и трудна.

И на первый взгляд как будто не видна...

Клем сначала кашлял. Всё кашлял и кашлял. Простыл? Поперхнулся? Или подумал, что песня — намёк? Но на следующей песне кашель прошёл. И он тянул басом:

[Купить полную версию книги](#)